

LE MESSEAGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

ІХ-Х-СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ-1933.

ПАРИЖЪ

„ВѢСТНИКЪ“

(Девятый годъ изданія).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 Г.

Новыя условія подписки

Пониженіе подписной платы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 20 франц. франковъ (или эквивалентъ 20 фр. по курсу дня).

ДЛЯ ДВИЖЕНЦЕВЪ, СТУДЕНТОВЪ, РАБОЧИХЪ, — 15 франц. франковъ (или эквивалентъ 15 фр. по курсу дня).

« В Ъ С Т Н И К Ъ » въ этомъ году будетъ удѣлять особое вниманіе освѣщенію идеологическихъ исканій современности и дастъ рядъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ «пореволюціонныхъ» теченій среди русской молодежи.

« В Ъ С Т Н И К Ъ » расширяетъ информацію о Совѣтской Россіи и въ каждомъ № будетъ давать матеріаль, освѣщающій положеніе въ Сов. Россіи.

« В Ъ С Т Н И К Ъ » — вводитъ спеціальныи отдѣлъ — «Хроника жизни Православныхъ Церквей». Особое вниманіе будетъ удѣлено религіозной жизни въ Сов. Россіи.

Пробныя №№ по первому требованію высылаются бесплатно.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 9-10 (1933)

Парижъ, 1 октября	3
Къ Русскимъ за Рубежомъ. (Воззваніе М. М. Федорова)	5
О послѣднемъ довѣрїи (второй діалогъ). — Іеромонахъ Іоаннъ (Шаховской)	6
Смерть Жуковскаго. (Изъ книги Л. Кобьлинскаго Эллиса)	9
Проблема любви въ свѣтѣ современной психологіи (запись доклада проф. Б. П. Вышеславцева)	13
Н. Ф. Федоровъ «Догматика общаго дѣла»	16
О смертной казни. (Отрывки изъ разговора. Окончаніе)	22
Совѣтская жизнь	25
Объ идеологическомъ кризисѣ Движенія. Письмо УШ общему Съѣзду Р.С.Х. Движенія. — Н. А. Бердяевъ	29
Объ отношенїи религіозной и социальнѣй работы. (Положенія, выработанныя УШ общимъ съѣздомъ Движенія)	33

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЕЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВЪРУЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

Парижъ, 1-го октября 1933 г.

Въ воскресенье 24 сентября закончился VIII Общій Съездъ Р. С. Х. Движенія.

Четыре вопроса съ особенной силой привлекли вниманіе Съезда — вопросъ о направленіи Движенія, вопросъ о работѣ среди юношества и о мѣстѣ этой работы въ цѣломъ Движенія, вопросъ о переустройствѣ руководящихъ органовъ Движенія и вопросы отношенія Движенія къ инославнымъ христіанскимъ организаціямъ.

Непосредственнымъ поводомъ къ широкой и плодотворной постановкѣ вопроса о направленіи работы Движенія послужило письмо Н. А. Бердяева, обращенное къ Съезду.

При обсужденіи письма Н. А. Бердяева, Съездъ рѣшительно отвергъ, какъ основанную на опредѣленно одной сторонней и недостаточной провѣренной информации, всѣ упреки въ томъ, что — будто бы — «въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ работы подъ лозунгомъ аполитичности и аполитическаго націонализма ведется опредѣленная право-націоналистическая или фашистская политика». Съездъ со всей силой и рѣшительно

стью подтвердилъ, что въ работѣ Движенія нѣтъ и не можетъ быть нарушенія принципа аполитичности, нѣтъ и не можетъ быть «ни праваго, ни лѣваго уклона». Точно такъ же рѣшительно отклонилъ съездъ и упреки въ «невольномъ уклонѣ къ милитаризму и фашизму», какъ основанныя на явномъ недоразумѣніи.

Съездъ далѣе отмѣтилъ, что въ Движеніи есть и идейныя исканія и большое идейное безпокойство — это съ особой силой выявилось въ дни Религіозно-Педагогическаго совѣщанія предшествовавшаго общему Съезду. Но Движеніе — съ одной стороны — многія изъ проблемъ, намѣченныхъ въ письмѣ Н. А. Бердяева, и иначе ставитъ и иначе рѣшаетъ, а съ другой — вниманіе Движенія сосредоточено на жизненныхъ проблемахъ нашей эпохи, лежащихъ въ иныхъ плоскостяхъ, чѣмъ это намѣчаетъ письмо.

Съездъ далѣе опредѣлилъ путь Движенія, какъ путь правильнаго и глубокаго пониманія храмоваго благочестія. По убѣжденію Съезда, именно полнота и глубина жизни въ храмѣ даетъ жи-

вое чувство основныхъ вопросовъ, стоящихъ передъ нашей эпохой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подлинное, дѣйственное храмовое благочестіе является источникомъ глубокихъ и плодотворныхъ интуицій, побужденіемъ къ постоянному труду и напряженію, источникомъ возрастающихъ благодатныхъ силъ для служенія соціальной и моральной истинѣ.

Съѣздъ постановилъ обратиться къ Движенію съ особымъ изложеніемъ того какъ онъ понимаетъ задачи и пути Движенія.

И письмо Н. А. Бердяева, и «Обращеніе Съѣзда» приведены ниже.

На вопросъ о мѣстѣ работы съ юношествомъ («Витязи», «Дружинницы») въ цѣломъ Движенія, Съѣздъ — послѣ долгихъ и подчасъ страстныхъ споровъ, вытекавшихъ изъ признанія чрезвычайной важности и значительности вопроса, — отвѣтилъ утверженіемъ, что молодая объединенія «являются органической частью Движенія» и постановилъ внести въ «Основные положенія РСХ Движенія» дополнительные параграфы, опредѣляющіе пониманіе Движеніемъ задачъ работы среди юношества и организаціонную связь объединеній молодежи со всѣмъ цѣлымъ Движенія.

Существенныя измѣненія внесъ Съѣздъ въ структуру органовъ Движенія. Оставивъ почти безъ измѣненія существующія положенія объ общемъ съѣздѣ, какъ верховномъ органѣ Движенія, Съѣздъ — въ случаѣ невозможности созвать общій съѣздъ, предоставилъ Совѣту нѣкоторыя функціи Съѣзда (право избирать и перемѣщать секретарей Движенія) и ввелъ новый органъ — «Малый Совѣтъ Движенія» — въ составѣ Предсѣдателя Движенія, его Товарища, священника Движенія и почетныхъ членовъ Движенія.

Реорганизованъ центральный секретариатъ Движенія.

Для привлеченія къ работѣ въ центрѣ возможно большаго количества людей, желающихъ и могущихъ работать, Съѣздъ рѣшилъ построить работу центра на трудѣ, главнымъ образомъ, бесплатныхъ секретарей. Установивъ главныя функціи, обслуживаемыя Ц. С. Съѣздъ выбралъ для каждой изъ нихъ спеціальнаго секретаря.

На Съѣздѣ произошло оформленіе давней дружественной связи Движенія со Всем. Студенческой Христіанской Федерацией — Съѣздъ единогласно принялъ предложеніе вступить въ Студенч. Христіанскую Федерацию въ качествѣ члена-корреспондента.

Принята Съѣздомъ важная реформа, связанная съ изданіемъ «Вѣстника». Подписка на «Вѣстникъ» для членовъ Движенія признана обязательной; вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено произвести общее пониженіе подписной платы на журналъ. Для уменьшенія расходовъ, связанныхъ съ изданіемъ, печатаніе журнала рѣшено перенести въ Прибалтику.

Въ четвергъ 21-го (8 сентября по старому стилю), въ день праздника Рождества Богородицы — Движенію праздновало 10-лѣтіе своего существованія. Литургію и благодарственный молебенъ служилъ Владыка митрополитъ Евлогій.

Собранія этого дня были посвящены вопросамъ идеологіи и отчасти исторіи Движенія. Выступали: проф. Б. П. Вышеславцевъ — «Русская культура и пути Движенія», проф. В. В. Зѣньковскій — «Проблемы идеологіи Движенія», О. С. Четвериковъ — «Духовная жизнь Движенія», О. С. Булгаковъ — «Движеніе въ прошломъ и настоящемъ». Доклады будутъ на-

печатаны въ послѣдующихъ номерахъ «Вѣстника».

**

Въ субботу вечеромъ состоялись выборы.

Предсѣдатель Движенія — проф. В. В. Зѣньковскій.

Товарищъ Предсѣдателя — проф. Б. П. Вышеславцевъ.

Центральный Секретаріатъ,

Библейскіе кружки о. Л. Липеровскій.

Подготовка руководителей — Г. С. Сѣриковъ.

Медицинскій отдѣлъ — Е. С. Меньшикова.

Миссіонерская и соц. работа — М. Марія (Скобцова).

Соціальная работа — С. М. Зернова.

Педагогическая работа — А. С. Четверикова.

Работа среди юношества — о. В. Юрьевъ.

Работа среди дѣвочекъ — М. П. Толстая.

Общая работа — И. В. Окунева.

Борьба съ безбожіемъ — П. Ф. Андерсонъ.

Экуменическая работа — Н. М. Зерновъ.

Финансовая работа — Л. А. Зандеръ.

Техническая работа — К. М. Перещнева.

И. А. Лаговскій избранъ Центральнымъ секретаремъ съ временнымъ откомандированіемъ для работы въ Прибалтику.

А. И. Никитинъ избранъ Центральнымъ секретаремъ для работы въ Болгарію.

В. С. Слѣпянь — секретаремъ для работы среди юношества въ Берлинѣ.

Ф. Т. Пьяновъ — секретаремъ Движенія во Франціи.

А. С. Виссаріоновъ — секретаремъ для Брно.

**

Первые дни Съѣзда были чрезвычайно сложны. Все давалось съ большимъ трудомъ и даже болью. За три года отсутствія общихъ съѣздовъ накопилось много недоразумѣній и несогласій. До известной степени стало даже неяснымъ, какъ Движеніе въ цѣломъ опредѣляетъ себя и свою основную линію. Финансовыя трудности, связанныя съ мировымъ экономическимъ кризисомъ, поставили вопросъ о такой перестройкѣ работы Движенія, при которой, несмотря на уменьшеніе средствъ, было бы обезпечено дальнѣйшее правильное развитіе жизни и силъ Движенія. Но постепенно умиротворились страсти, смягчились трудности, казавшіяся непобѣдимыми, и послѣдній день Съѣзда былъ какъ солнечная радость и радостный даръ Божій. Сознаніе громадной отвѣтственности за судьбы Движенія въ этотъ день достигло своей вершины. вмѣстѣ съ нарастаніемъ чувства отвѣтственности росло и чувство Божіей помощи, просвѣтленія, силы, глубокаго единства и правды дѣла, которому служить Движеніе. Всѣ почувствовали, что съѣздъ можетъ быть началомъ новой эпохи въ жизни Движенія, что Съѣздъ обязываетъ къ этому.

Въ послѣдній день, въ воскресенье, — послѣ исповѣди и причастія — Съѣзду было дано какъ даръ, какъ радость утѣшенія, такое чувство глубокаго свѣтлаго мира, такое чувство крестной радости, разрѣшенія всяческихъ больныхъ и болѣзненныхъ «узловъ», что Съѣздъ дѣйствительно жилъ въ иномъ мірѣ, мірѣ правды и радости о Святомъ Духѣ

Къ русскимъ за рубежомъ.

Открыть очередной сборъ на помощь студенту въ наступающемъ 1933-1934 учебномъ году. Годъ предстоить исключительно тяжелый. Затяжной кризисъ и безработица продолжаются, въ связи съ чѣмъ поступления въ кассу Центрального Комитета неизбѣжно падаютъ. Студенчество же лишено возможности притти себѣ само на помощь, ибо для него безработица углубляется и отказомъ въ правѣ на работу. Положеніе создается почти безысходное, выходъ только въ жертвенности лучшихъ русскихъ людей. Какъ ни тяжка наша и матеріальная, и политическая обстановка, но намъ нельзя допустить пріостановки дѣла подготовки новыхъ русскихъ культурныхъ силъ. Нашей смѣнѣ, русской молодежи, мы всѣ должны во что бы то ни стало помочь въ ихъ жертвенномъ, почти героическомъ стремленіи къ высшему образованію. Получившихъ подписные листы по сбору я усердно прошу и лично жертвовать все, что они могутъ, на это нужное дѣло, и взять на себя, не откладывая, непріятный трудъ убѣждать всѣхъ въ своемъ окруженіи внести на него свою лепту. Не получившихъ листовъ и готовыхъ жертвенно помочь мнѣ въ сборѣ прошу принять участіе въ сборѣ.

Особенно прошу и лично шире жертвовать и собирать средства на помощь бѣдствующимъ сейчасъ своимъ младшимъ

коллегамъ - студентамъ всѣхъ прежнихъ стипендіатовъ Центрального Комитета, а также и всѣхъ пользовавшихся постороннею помощью для окончанія своего курса ученія, откуда бы эта помощь ни исходила. Идущая имъ вслѣдъ русская молодежь такъ же страстно, какъ и они, желаетъ получить высшее образованіе и подготовиться къ будущему, болѣе достойному служенію Россіи. Кому же и помогать ей въ первую голову, какъ не тѣмъ, кто это съ чужою помощью уже осуществилъ?

Помогать Центральному Комитету надо притомъ неотложно. Близится начало занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Просьбы въ Центральный Комитетъ поступаютъ ежедневно. Вынужденный, за отсутствіемъ средствъ, отказъ Центрального Комитета обычно и рѣшаетъ судьбу юноши, нерѣдко находящагося уже на послѣднемъ курсѣ и вынужденнаго все-таки прекратить ученіе за отсутствіемъ средствъ изъ-за безработицы своей или своихъ близкихъ. Помогите всѣ Центральному Комитету выполнить принятую имъ на себя нелегкую задачу, откликнитесь на мой призывъ.

Предсѣдатель Центрального Комитета

Михаиль Федоровъ.

Bd St Michel, 79, Paris (5).

О послѣднемъ довѣріи. (Второй діалогъ) *).

1-ый вѣрующій. — Послѣ нашей бесѣ-

*) Первый діалогъ: «Прославляй Бога за все» выходитъ въ отдѣльномъ изданіи того же названія.

ды встрѣтилъ я одного невѣрующаго и пересказалъ ему твои слова. Онъ меня сразу же поставилъ въ тупикъ. Онъ сказалъ: «Вопросъ цѣлесообразности земныхъ страданій можетъ понять и невѣрующій

человѣкъ по чисто земнымъ соображеніямъ (напримѣръ, воинствующій матеріализмъ признаетъ цѣлесообразность «классоваго страданія» ради «будущей социальной гармоніи»; достиженіе всякой земной цѣнности связано съ трудомъ - страданіемъ, и т. д.), но чему невѣрующій человѣкъ никогда не повѣритъ, это «мукѣ вѣчной», о которой говоритъ Евангеліе. Какъ смогу я радоваться и блаженствовать въ раю, — сказалъ онъ, — если буду знать, что рядомъ, гдѣ-то есть адъ, гдѣ мучаются грѣшники. Я не приму такого рая». Эти слова поставили меня въ тупикъ. Я не зналъ, что отвѣтить ему.

2-ой вѣрующій. — Я выразилъ тебѣ уже мою сокровеннѣйшую мысль и мое непоколебимѣйшее убѣжденіе, что **Царство Небесное** встрѣтитъ въ этомъ и въ будущемъ мірѣ лишь тотъ, кто знаетъ **причины славы Бога за все**, т. е. не ставитъ прославленія Имени Господня въ зависимость отъ какихъ бы то ни было своихъ маленькихъ человѣческихъ мыслей и чувствъ. Это и есть **богоусыновленіе** человѣка. Люди славятъ Бога безъ условій. Понимаешь — безусловно. Въ этомъ **существо христіанской вѣры**, какъ всепоглощающаго довѣрія Богу. Я только такую вѣру и могу принять. Только такая вѣра достойна Того, кто сотворилъ человѣка, только такая вѣра и достойна самого названія — «вѣры».

Повѣрь мнѣ, то, что тебѣ говорилъ твой собесѣдникъ - атеистъ, это все одна риторика. Я увѣренъ, что твой собесѣдникъ, когда говорилъ это, не плакалъ, а между тѣмъ, по своей теоріи, онъ долженъ былъ рыдать, ибо тысячи и тысячи людей страдали въ эту минуту недалеко отъ него. Почему онъ думаетъ, что въ раю онъ вель бы себя иначе? Неужели онъ никогда въ жизни не смѣется, не радуется? Несомнѣнно, его состраданіе есть

совершенно нежизненная для него теорія. Онъ не знаетъ того, что говорить.

1-ый вѣрующій. — Въ отношеніи его это, пожалуй, и такъ. Онъ честный человѣкъ, но его нельзя назвать «далекимъ отъ земныхъ радостей». Его состраданіе, дѣйствительно, немного риторично. Но святые, но люди чуткіе, прозорливые, отдавшіеся Богу, вѣдь они же видятъ несоотвѣтствіе судебъ человѣческихъ въ мірѣ, — они же будутъ его видѣть и тамъ? Какъ смогутъ они блаженствовать? И если смогутъ, въ чемъ ихъ святость тогда?

2-ой вѣрующій. — Всѣ люди, имѣвшіе **опытъ** подлинной духовной жизни, знали и знаютъ, что благодатное утѣшеніе Господне, приходящее къ душѣ человѣческой, до такой степени перерождаетъ психику человѣческую, что человѣкъ вырастаетъ изъ всѣхъ разсужденій этой земли, изъ всѣхъ ея психологій. Онъ рождается въ мірѣ новыхъ откровеній, отношеній, оцѣнокъ, гдѣ все Господне: **воля Господня, любовь Господня, правда Господня, святость Господня, миръ Господень** — ничего нѣтъ «своего».

Надѣта брачная одежда, не одинъ рукавъ ея, но вся она надѣта. И все до такой степени въ Господѣ, и Господь во всемъ, что **внѣ Господа и внѣ любви къ Нему**, — метафизически — ничего нѣтъ. Здѣсь не уничтоженіе личности человѣка, но полное ея претвореніе, сожженіе всей ея самости. Такъ уголь теряетъ свою черную самость, проникаясь пламенемъ.

Любовь къ Богу отъ всего разума, всей воли и всего сердца потому заповѣдана, какъ первая заповѣдь для человѣка, что эта любовь есть **истина всего новаго міра**. Евангеліе же есть откровеніе этой истины въ мірѣ, запечатлѣніе ея въ человѣческомъ сердцѣ. И, кто знаетъ, что Евангеліе есть истина болѣе совершенная, чѣмъ самыя высшія человѣческія разсужденія,

чѣмъ самыя высшія моральныя оцѣнки чловѣка, тотъ повѣритъ всѣмъ словамъ Евангелія и отодвинетъ въ сторону свою собственную мудрость.

«Возненавидѣть отца и мать» — идя къ Христу, это совсѣмъ не значитъ возненавидѣть чловѣка, черезъ котораго мы родились въ свѣтъ. Возненавидѣть своихъ близкихъ — по Евангелію это значитъ возненавидѣть **всю свою плотскую жизнь**, всѣ идеалы своего сердца, явно или тайно противопоставляемые Богу; все свое плотское мудрованіе, свою плотскую любовь. Это значитъ — задыхаться, задвигаться въ иномъ мірѣ, въ мірѣ «ума Христова», духа Христова.

Этотъ новый міръ построенъ всецѣло на любви къ Богу, на любви ко всему — въ Богѣ. «**Все**» есть непрестающій поводъ возлюбіенія Бога. Въ этомъ новомъ мірѣ совершенно невозможны, **не мыслимы** такія разсужденія, какъ: «я не могу радоваться, если буду знать, что гдѣ-то (поистинѣ слова чловѣческаго пространства) мучаются грѣшники», или: «я не хочу принять рай, если туда не войдетъ тотъ или другой чловѣкъ». Подобныя разсужденія плоть отъ плоти и кость отъ кости ветхаго, непреображеннаго чловѣка, горделиваго своей **независимой отъ Бога** любовью, своей надмѣвающейся надъ Евангеліемъ правдой. Для познанія тайнъ и законовъ Небеснаго міра, весь этотъ ветхій міръ, весь этотъ ветхій чловѣкъ должны быть **распяты**. Ибо только это крестное распятіе, умерщвленіе себя въ Богѣ (не только пороковъ своихъ, но и **всей своей добродѣтели**) — есть очищеніе.

Страшная дѣйствительность представляется нашимъ глазамъ: съ одной стороны, мы видимъ безчисленное множество людей преобразенныхъ, сіяющихъ въ нетлѣнной красотѣ Духа, исполненныхъ великой любовью къ Богу и чловѣку, и ни-

когда не говорящихъ и даже не помышляющихъ: «я отказываюсь отъ рая, если тамъ не будетъ того, кого я люблю», или: «я не могу радоваться, если рядомъ со мной будетъ адъ»... А съ другой стороны мы видимъ такое же множество людей злыхъ, неблагодарныхъ, эгоистическихъ, безлюбивыхъ, немолитвенныхъ, плотскихъ, котор.выказываютъ высоту своихъ чувствъ, **превозносятся** надъ любовью Божіей, надъ правдой Евангельской, издѣваются надъ спасеніемъ чловѣческимъ: «я отказываюсь отъ рая»... «я не могу радоваться». И такъ разсуждаетъ чловѣкъ, спокойно «радующійся» многими плотскими радостями посреди великихъ земныхъ страданій чловѣчества. Какая непослѣдовательность, ускользящая отъ его собственного взора!

Всякій, пробудившійся къ молитвенной радости, знаетъ, что эта радость небеснаго міра **совершенно независима отъ земныхъ мыслей чловѣческихъ**, что она **восхищаетъ** всего чловѣка, не только изъ міра чловѣческихъ страданій, но и изъ міра чловѣческихъ разсужденій.

Спасеніе изъ геенны совсѣмъ не означаетъ спасенія изъ физическаго мѣста геенны, но означаетъ спасеніе изъ всего круга мыслей и чувствъ, порожденныхъ геенною и **порождающихъ геену**. Спасеніе изъ низшаго міра есть отложеніе всякаго метафизически — «житейскаго попеченія».

Когда мы говоримъ: «я не хочу быть въ раю, если тамъ не будетъ такого-то или такой-то», мы высказываемъ чистѣйшее «житейское попеченіе» о спасеніи даннаго чловѣка. Если мы говоримъ: «я не могу радоваться въ раю», мы опять высказываемъ настоящее «житейское попеченіе» о своей радости. Мы пресмыкаемся по землѣ, мы не понимаемъ, кто мы, и **Кто Господь**. Мы вторгаемся въ небесный міръ, въ небесный судъ, со своей добродѣтелю, съ

той любовью, которой не имѣемъ даже на землѣ. Это наше вторженіе въ небесный міръ, есть, дѣйствительно, слѣпота наша. Болѣе скажу: **окаянство** наше.

Человѣкъ грѣха ненавидитъ судъ Божій, ненавидитъ правду Творца, справедливость Отца Небеснаго. Онъ знаетъ, что эта правда его судить, его обличаетъ, и подъ видомъ высоты своей любви онъ поносить, порочить правду евангельскую; невѣломую даже ангеламъ.

Человѣкъ покорности Богу — другой человѣкъ. Онъ, въ прахъ склоненный передъ тайнами Божиими, открытыми въ Евангеліи, весь сгораетъ въ Богъ, въ серафимовомъ пламени покорности и любви къ Отцу свѣтовъ (не какого-нибудь одного свѣта, но всѣхъ свѣтовъ, всѣхъ справедливостей, всей любви). Этотъ человѣкъ подлинно евангельски готовъ возненавидѣть святымъ отверженіемъ не только самого себя, но и всѣхъ «близкихъ своихъ» — всѣ близкія мысли и чувства свои, которыя только подойдутъ къ нему, какъ жена Іова, и скажутъ: «Ты уже твердъ въ непорочности (цѣльности вѣры) своей... похули Бога и умри... «Ты гово-

ришь какъ одна изъ безумныхъ», отвѣтилъ такой человѣкъ своей женѣ, своей душѣ, «неужели доброе мы будемъ принимать отъ Бога, а злого не будемъ?»

Пусть никогда никакой христіанинъ ни однимъ помысломъ не сопоставляетъ свою правду съ Божіей, открытой въ Евангеліи. Это сопоставленіе есть безуміе, есть гордость, есть жестоковѣйность.

Если непонятны человѣку нѣкоторыя истины и откровенія, пусть не отрицаетъ онъ ихъ. Если непонятны «вторая смерть» (Откр. 20, 14), пусть не отрицаетъ второй смерти, иначе онъ сдѣлается ея причастникомъ. «Если кто отниметъ что отъ книги пророчества сего, у того отниметъ Богъ участіе въ книгѣ жизни и въ святомъ градѣ, и въ томъ, что написано въ книгѣ сей» (Откр. 22, 19). Величайшая святыня — слово Божіе. Изъ устъ Его — исходитъ мечъ (Откр. 1, 16), пронзающій всѣ вѣка и всѣ души. Да будетъ благословенно имя Господне, имя Единаго Благословеннаго вѣвѣки.

Иеромонахъ Іоаннъ.

Берлинъ.

Смерть Жуковскаго.

(Изъ книги Л. Кобылинскаго - Эллиса: «В. А. Жуковскій, его личность, его жизнь и творчество»).

При разсмотрѣніи жизненнаго эпилога и смерти Жуковскаго передъ нами встаетъ цѣлая трагедія, и становится яснымъ, почему умирающій христіанинъ Жуковскій имѣетъ еще больше правъ на званіе «мистика и учителя», чѣмъ Жуковскій-человѣкъ и писатель.

На немъ проявилась тайна мистической смерти, состоящей въ отмираніи физическаго тѣла, какъ орудія души, при повы-

шеніи жизни самой души, ибо сознаніе умирающаго въ извѣстной степени освободилось уже отъ своего физическаго и органическаго покрова.

Рѣдко возвышенное впечатлѣніе производитъ состояніе больного, медленно умирающаго 69-тилѣтняго, совершенно ослѣпшаго старика, тѣло котораго лежитъ безсильно и беспомощно распластанное отъ ревматизма, падагры и душевныхъ

потрясеній, въ то время какъ его творческая личность выявляетъ тѣмъ болѣе высокую дѣятельность. Почти чудомъ кажется то обстоятельство, что въ два послѣдніе года его земной жизни Жуковскій достигъ той высоты творчества въ смыслѣ инициативы и самостоятельности, какой ему въ извѣстномъ смыслѣ не хватало во всю его жизнь. Если уже въ 1850 году было замѣтно повышеніе въ немъ духовной жизни, то еще гораздо болѣе изумляетъ въ немъ повышеніе внутренней мистической и поэтической силы, выявленной въ «Агасферъ», лебединной пѣснѣ Жуковского, послѣднемъ сочиненіи умирающаго эпика. Ученіе Жуковского о покорности Провидѣнію нашло лучшее примѣненіе на смертномъ его ложѣ. Онъ и тутъ повторилъ свое любимое изреченіе: «все въ жизни есть къ лучшему средство». Онъ шутилъ надъ своей слѣпотой, сравнивая себя съ своимъ поэтическимъ прообразомъ — Гомеромъ.

Его переходъ въ иную жизнь произошелъ безъ потери довѣрія къ Богу, и его душа, уже давно обращенная къ небу послѣ возврата въ небесную отчизну близкихъ ему вѣчно любимыхъ душъ, крѣпла и прояснялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе становилось тѣло. «Удивительно, — писалъ онъ тогда, — черезъ 2 дня послѣ моего заболѣванія въ моей душѣ повысилось поэтическое настроеніе, я взялся за то сочиненіе, первые стихи котораго я написалъ 10 лѣтъ тому назадъ. Идея этого сочиненія оставалась до тѣхъ поръ въ моей душѣ въ необработанномъ видѣ, и вдругъ закипѣла работа, какъ бы сама собой: все вытекало изнутри. Случай приводилъ ко мнѣ людей, которые мнѣ читали все, что мнѣ было нужно, и чего я самъ уже не могъ читать. То, что я писалъ съ закрытыми глазами, мой слуга читалъ мнѣ потомъ вслухъ и исправлялъ по моему указанію». Слепой писатель

былъ принужденъ диктовать даже письма. Эти послѣдніе его письма были, главнымъ образомъ, обращены къ молодымъ, много общавшимъ русскимъ писателямъ; онъ благословлялъ, подбодрялъ и училъ ихъ. Онъ призналъ, на примѣръ, талантъ молодого Майкова значительнымъ, вдохновлялъ А. фонъ деръ Бригге, побуждая его къ переводу классиковъ, давалъ совѣты Гоголю, находившемуся въ то время въ Палестинѣ и приславшему Жуковскому краткое описаніе Святой Земли.

Уже съ 1848 года Жуковскій сталъ заниматься религіозными вопросами, онъ изучалъ по русскимъ и западнымъ источникамъ исторію первохристіанства, переводилъ Новый Завѣтъ, поддерживалъ переписку въ 1852 г. — съ отцомъ Иоанномъ Базаровымъ, русскимъ священникомъ, главнымъ образомъ на тему о новонайденной греческой рукописи «Краткое ученіе вѣры православной церкви» и объ объясненіи видѣній «Откровенія» св. Иоанна въ духѣ преданій восточной церкви.

Такъ готовился онъ къ переходу въ иной міръ. Вѣсть объ ужасной смерти Гоголя была для Жуковского знаменіемъ скорого прощанія съ жизнью. Послѣднее письмо Жуковского къ Плетневу — 5-го марта 1852 г. — преисполнено глубокой печали и нѣжнѣйшаго сочувствія. «Его настоящимъ призваніемъ было монашество», — писалъ Жуковскій, прозрѣвая всю трагедію послѣдняго поединка писателя съ мистикомъ въ душѣ Гоголя. — Между тѣмъ, пробилъ и его часъ.

Въ февралѣ 1852 года Жуковскій пригласилъ къ себѣ изъ Штутгарта своего друга, православнаго русскаго священника Иоанна Базарова, чтобы вмѣстѣ съ семьей принять изъ его рукъ Святые Дары Евхаристіи. Седьмого апрѣля, въ понедѣльникъ Фоминой недѣли, явился въ Бадень-Бадень этотъ добрый сердцемъ, глубокой

вѣрующій и умный священникъ и засталъ Жуковского въ постели. Царило грустное молчаніе. Жена Жуковского и дѣти были полны тревожнаго предчувствія. Преданный отецъ Іоаннъ остался на ночь у Жуковского и на другое утро, въ 11 часовъ, вошелъ тихо въ комнату больного. Жуковский сказалъ ему: «Видите, въ какомъ я состояніи, совсѣмъ сломанъ, ни одной мысли въ головѣ». Умный отецъ Іоаннъ отвѣтилъ вопросомъ: «Если Самъ Господь соизволяетъ посѣтить васъ, что вы можете сказать? Или вы Ему отвѣтите, что васъ нѣтъ дома?» Потрясенный этимъ вопросомъ старикъ заплакалъ. Священникъ же продолжалъ: «Въ священномъ таинствѣ надо различать два случая: иногда приходитъ человекъ къ Нему съ покаяніемъ въ душѣ, дабы найти съ Нимъ примиреніе, иной же разъ Онъ Самъ приходитъ къ человеку и призываетъ его лишь раскрыть сердце». «Такъ приведите же ко мнѣ Святого Гостя!» — воскликнулъ Жуковский, все еще плача. Потомъ, взявъ за руку жену и указавъ на священника, онъ сказалъ: «Онъ, посредникъ Божій, хочетъ привести ко мнѣ, недостойному, Господа. Какъ счастливъ буду я имѣть Его въ себѣ...». Рѣшено было на слѣдующій день причастить больного. Жуковский совсѣмъ успокоился. Онъ сталъ рассказывать отцу Іоанну о своей работѣ, показывалъ ему дрожащей рукой историческія таблицы и бумаги, Жена просила его не переутомляться, на что онъ возразилъ: «Другъ мой, чего еще заботиться объ этомъ тлѣнномъ трупѣ. Душа самое важное». На другой день, 9-го апрѣля, онъ жаловался, что его заботитъ вопросъ о томъ, что будетъ съ семьей безъ него. Отецъ Іоаннъ спросилъ его, твердо ли онъ вѣритъ въ Провидѣніе Божье. «Да, вѣрю, — отвѣчалъ больной, заливаясь слезами. — Ахъ, эта жизнь, эта жизнь пустая...», — шепталъ онъ плача. При-

шли дѣти. Онъ вмѣстѣ съ ними прочелъ «Отче нашъ», потомъ исповѣдался и принялъ съ трепетнымъ смиреніемъ Святое Причастіе. Дѣти послѣдовали его примѣру. Тогда его печаль вдругъ исчезла, лицо его просвѣтлѣло, онъ воскликнулъ, обращаясь къ дѣтямъ: «Дѣти, дѣти мои, Господь здѣсь съ вами. Онъ пришелъ къ намъ. Онъ сейчасъ въ насъ. Радуйтесь, любимые!». Сладкій сонъ, сонъ счастливо дремлющаго ребенка, успокоилъ его. Десятаго апрѣля онъ почувствовалъ себя лучше и началъ говорить о своемъ Агасферѣ, этомъ великомъ пѣснопѣиіи примиренія. «Я хочу, — сказалъ онъ какъ бы довѣрительно отцу Іоанну, — чтобы вы знали, что остается послѣ меня. Я началъ писать одну вещь, она еще не кончена. Я писалъ ее уже слѣпымъ. Это блуждающій жидъ въ христіанскомъ духѣ. Это твореніе—моя лебединая пѣснь, оно заключаетъ въ себѣ послѣднюю идею моей жизни».

Жуковский говорилъ отцу Іоанну о своихъ дѣтяхъ и сказалъ радостно: «Представьте себѣ, они плакали, когда я имъ рассказывалъ о Послѣдней Вечери и о молитвѣ въ Гефсиманскомъ саду Господа нашего...»

Онъ мужественно боролся съ чувствомъ страха смерти и сказалъ доброму, вѣрному помощнику своему, священнику: «Я не боюсь смерти. Я готовъ похоронить мою жену и дѣтей, я знаю, что я передамъ ихъ Богу. Но мысль, что я долженъ самъ уйти и оставить ихъ здѣсь, чувство одиночества причиняетъ мнѣ боль».

Въ пятницу онъ спалъ нѣсколько часовъ, потомъ позвалъ дочь и сказалъ: «Пойди скажи мамѣ, что я теперь въ Ноевомъ ковчегѣ и высылаю перваго голубя — вѣру мою, второй голубь мой — терпѣніе». Позже, вечеромъ, онъ сказалъ своей тещѣ: «Теперь остается только

борьба тѣла, душа уже совсѣмъ готова». Затѣмъ онъ опять заснулъ.

Вскорѣ послѣ полуночи, во второмъ часу утра, 12-го апрѣля, примиренная съ Богомъ и міромъ, кроткая, чистая душа поэта покинула его. Черезъ два дня онъ нашель мѣсто своего послѣдняго упокоенія на кладбищѣ града Бадень-Бадена.

Идея примиренія, которой была преисполнена вся жизнь писателя, нашла свое символическое отображеніе и во время его похоронъ. Отецъ Іоаннъ и римско-католическій деканъ города Бадень-Бадена, желавшій открыто засвидѣтельствовать свое уваженіе къ великому русскому писателю и истинному христіанину, шли плечо съ плечомъ за гробомъ Жуковскаго.

Позднѣе, 1-го августа 1852 года, останки Жуковскаго были перевезены въ Петербургъ старымъ слугою его Даніиломъ Гольдбергомъ и торжественно погребены, согласно желанію царя Николая I, въ Александро - Невской Лаврѣ, рядомъ съ останками Карамзина.

Много поклонниковъ, друзей и знакомыхъ великаго писателя собралось на это печальное торжество. Всѣ присутствовавшіе, начиная съ престолонаслѣдника, — который собственноручно несъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми друзьями покойнаго писателя къ послѣднему мѣсту упокоенія гробъ своего воспитателя, — и кончая безымянными бѣдняками, были полны одинаковымъ чувствомъ любви и благодарности къ умершему. Не отсутствовалъ на этомъ торжествѣ ни одинъ значительный представитель тогдашней русской литературы.

За нѣсколько дней до смерти Жуковскій написалъ прощальное письмо своей женѣ. Она должна была получить его лишь послѣ его смерти. Письмо это гласило:

«Я знаю, что близится мой послѣдній часъ и потому пишу тебѣ нѣсколько словъ утѣшенія. Прежде всего, благодарю тебя стъ всего сердца за то, что ты стала моей женой. Время, прожитое мною въ нашемъ съ тобою союзѣ, было самымъ счастливымъ и лучшимъ временемъ моей жизни. Несмотря на много печальныхъ миговъ, зависѣвшихъ отъ внѣшнихъ причинъ или проистекшихъ по нашей собственной винѣ, и безъ которыхъ не обходится ни одна человѣческая жизнь, ибо они служатъ полезнымъ испытаніемъ для людей, — я былъ счастливъ... Я узнавалъ цѣну жизни и становился все тверже въ своемъ стремленіи достигъ ея цѣли, то есть стать послушнымъ Волѣ Божьей. Этимъ я обязанъ тебѣ... Ты будешь плакать, что утратила меня, однако, не впадай въ отчаянье. Власть любви равна власти смерти. Нѣтъ разлуки въ Царствѣ Божьемъ. Я думаю, что я къ тебѣ ближе теперь, чѣмъ былъ до смерти. Твердо вѣрь въ это и не смущай мира моей души, не волнуйся, сохраняй душевный покой, и твои радости и страданія будутъ моими и тамъ еще гораздо больше, чѣмъ въ этой земной жизни. Имѣй вѣру въ Бога и заботься о нашихъ дѣтяхъ... Благословляю тебя, думай обо мнѣ безъ печали и утѣшай себя въ моемъ отсутствіи мыслью, что я каждую минуту неразлученъ съ тобой и что я раздѣляю съ тобой все, что происходитъ въ твоей душѣ».

Проблема любви въ свѣтѣ современной психологіи.*)

(ЗАПИСЬ ДОКЛАДА ПРОФ. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА):

(Продолженіе).

Переходимъ къ характеристикѣ другой стихіи — либидо.

То, что Фрейдъ говоритъ о либидо и сексуальности, не особенно глубоко. Для того, чтобы понять своеобразный трагизмъ столкновенія либидо и эроса, столь мучительнаго, что оно можетъ привести къ самоубійству, чтобы увидѣть эту трагедію, надо взвѣсить силу либидо. У Фрейда сила либидо не преувеличена, а значительно ириуменьшена. Онъ понимаетъ либидо такъ, какъ обычно понимаютъ его фізіологи и психологи, — влеченіе, которое при нормальномъ функционированіи не заключаетъ въ себѣ ничего таинственнаго; при задерживаніи — приводитъ къ возникновенію неврозовъ. Но это, дѣйствительно, приниженіе, преуменьшеніе сексуальности. Если почувствовать силу сексуальности въ мощныхъ произведеніяхъ, какъ разъ говорящихъ о сексуальности, — какъ, на примѣръ, «Пѣснь Пѣсней», «Тристанъ и Изольда», нельзя не видѣть, что Фрейдъ недооцѣниваетъ, не допонимаетъ силы сексуальности. Полъ — не нѣчто постыдное и недозволенное, а именно тайна, подлинная, глубокая тайна, а совсѣмъ не хитрость природы, не трюкъ, какъ это думалъ Шопенгауэръ, видѣвшій въ сексуальности «приманку», при помощи которой воля заставляетъ человѣка стремиться къ продолженію рода. «Лустъ - принципъ», «исканіе наслажденія» Фрейда тоже недостаточно для пониманія пола. Фрейдъ замѣчательный наблюдатель, но недостаточный философъ. Полъ есть стихія природной жизни, въ

ней «хаосъ шевелится», здѣсь царствуетъ Діонисъ, богъ ночи и безумія. Таинства Діониса одни могутъ дать представленіе о глубинѣ и силѣ стихіи сексуальности. Вакхическія мистеріи, средневѣковые шабаши, наши хлыстовскія радѣнія — вотъ свидѣтельства страшной подсознательной силы сексуальности. Современный «сексъ-аппель» есть ея слабый отголосокъ.

Стихія пола не знаетъ статическаго состоянія. Это огонь внезапно разгорающійся и угасающій въ ту минуту, когда онъ достигаетъ наивысшаго напряженія. Угасаніе сознанія, нирвана — послѣдняя цѣль, конецъ напряженія. На это справедливо указалъ Фрейдъ. Экстазъ страсти переживается какъ блаженное умираніе, какъ касаніе Изольды. Отсюда становится понятнымъ странное изреченіе Гераклита — «Одно и то же, Гадесъ и Діонисъ»; одно и то же лицо богъ подземнаго царства и богъ чувственнаго упоенія, богъ жизни и богъ смерти. Любовь въ формѣ либидо есть жестокой богъ подземнаго царства. Для входа въ это царство факелъ сознанія долженъ быть потушенъ.

Далеко не всѣ сознаютъ тайну и глубину либидо. В. В. Розановъ понималъ ее гораздо болѣе, чѣмъ Вл. Соловьевъ. Послѣдній въ своей статьѣ о смыслѣ любви правильно оцѣнилъ любовь возвышенную и Эросъ влюбленности, но что такое либидо и какова глубина и смыслъ этой стихіи, этого онъ не понималъ. Розановъ и Вагнеръ поняли это безконечно глубже.

Объективно, либидо, это стихія рожде-

*) «Вѣстникъ», іюль-августъ 1933 г.

нія, стихія подпочвенной, вулканической жизни, токъ високаго напряженія, идущій изъ бездны временъ въ даль будущаго. На ней зиждутся всѣ мессіанскія обѣтованія, предполагающія цѣпь рожденій. Если эта стихія угаснетъ — не будетъ исторіи, не будетъ Новаго Іерусалима.

Субъективно либидо, это — уходъ въ подсознаніе, потеря личности въ «самозабвеніи», «сладостная смерть». Классическое изображеніе субъективной глубины либидо, это — 2 и 3 дѣйствіе «Тристана и Изольды».

Здѣсь мы вплотную подходимъ къ уясненію перваго противорѣчія между Эросомъ и либидо. Эросъ любитъ сознательно, хочетъ смотрѣть въ любимое лицо, требуетъ факела сознанія; либидо боится свѣта сознанія, требуетъ, чтобы онъ былъ потушенъ. Эросъ любитъ внѣшнее выраженіе, стремится къ «объясненію въ любви», ищетъ объективации любви въ поэзій. Либидо живетъ во мракѣ и безмолвіи.

Первая проблема любви, это оцѣнка Эроса въ его отношеніи къ либидо. Она не разрѣшена. Она раздражаетъ человѣчество въ его мыслящей части, имѣющей мужество не отворачиваться отъ глубины проблемы. Эросъ стоитъ въ явномъ противорѣчій съ либидо и вмѣстѣ въ явной связи съ нимъ. Здѣсь источникъ постоянной трагедіи въ нераздѣльности и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебности Эроса и сексуальности. Сексуальность, конечно, связана съ красотой — это наблюдается даже въ животномъ мірѣ: пѣніе соловья, изумительное опереніе птицъ, пышное цвѣтеніе розы — все это выраженіе сексуальности. Связь Эроса съ поломъ несомнѣнна. Эросъ не можетъ существовать безъ пола — намъ не дано быть ангелочками съ головкой и крыльями, но безъ тѣла (слова Вл. Соловьева). Такимъ не можетъ быть настоящій Эросъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ — настоящій Эросъ, настоящая влюбленность подавляетъ сексуальность, какъ нѣчто низшее, подчиненное, почти уничтожаетъ ее. Существуетъ, однако, своя правда въ таинственной стихіи Діониса. Фрейдъ говоритъ, что сублимированная либидо — носитель и источникъ культуры; Розановъ утверждаетъ, что либидо — самое высокое и цѣнное въ мірѣ, безъ чего нѣтъ творчества, безъ чего остается только холодъ луннаго свѣта, безъ чего гаснетъ солнце, освѣщающее и согрѣвающее живую, рождающую плоть.

Это одна точка зрѣнія — ветхозавѣтная, библейская.

Но въ человѣческой душѣ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно живетъ сознаніе, что полъ есть нѣчто постыдное, не принадлежащее къ человѣческому духу, что отъ него должно уйти, порвать съ нимъ. Это утвержденіе платонизма, въ этомъ пафосѣ орфическихъ таинствъ. Для нихъ тѣло — темница души, изъ которой душа должна освободиться. Сексуальность является главнымъ соблазномъ на пути къ очищенію — она приковываетъ человѣка къ землѣ. Платонъ говорилъ о ней съ царственнымъ презрѣніемъ: «То, что чернь называетъ блаженствомъ». Отрицательно относились къ полу маркіониты и, въ сущности, всѣ гностическія секты — и они были осуждены христіанствомъ. Въ средніе вѣка альбигойцы отрицали бракъ, какъ нѣчто низшее. Таково же отношеніе къ сексусу въ индійской мистикѣ, хорошо знающей тайну сексуальности, описывающей ее, воплощающей въ своей скульптурѣ, и вмѣстѣ отрицающей ее, какъ главную силу, приковывающую къ жизни. Отсюда стремленіе буддизма развѣнчать сексусъ, потушить соблазнъ женской красоты, разбить цѣпи, связывающія человѣка съ міромъ. Проблема остается неразрѣшенной.

Даже христіанство, по слову Розанова, рѣшаетъ проблему не ясно. Настолько неясно, что самъ Розановъ склоняется къ тому, что христіанство отрицаетъ жизнь пола.

Въ человѣческой душѣ существуетъ принципиальный скепсисъ по отношенію къ сексуальности и скепсисъ по отношенію къ возможности для нея сублимаціи, возможности преображенія, возвышенія. Онъ выраженъ всего сильнѣй въ «Крейцеровой сонатѣ» Толстого. Но въ литературѣ вообще часто изображалось столкновение Эроса и либидо (влюбленности и сексуальности) — такова, напр., тема «Митинской любви» Бунина.

Ключъ къ разрѣшенію проблемы нужно искать въ **функции стыда**. Стыдъ мало понятенъ и мало изученъ психологически и философски. Влюбленность стыдлива, это значитъ, что она старается скрыть отъ себя сексуальность, запрятать ее въ глубину подсознанія.

Нужно сказать, что функцию стыда обычно понимаютъ неправильно, съ ней связывается мысль о полѣ, какъ о чемъ-то «постыдномъ», низкомъ, почти преступномъ. Между тѣмъ, подлинная функция стыда прямо противоположна этому. Смыслъ функции стыда — указать на закрытость того, что должно вызвать стыдъ, **охранить тайну пола отъ профанации**. Задерживая сексуальность стыдъ не устраняетъ ее, а въ сущности сохраняетъ, усиливаетъ, какъ плотина, задерживая воду, создаетъ потокъ большей глубины. Эросъ — не сублимація либидо, а самостоятельное начало, и прежде всего эстетическое — влюбленность, какъ «любованіе», созерцаніе воплощенной красоты. Не сексуальность порождаетъ Эросъ и переходитъ въ него, а Эросъ является первенствующимъ по отношенію къ сексуальности. Можно быть влюбленнымъ — въ своего отца, въ свою мать, въ друга, въ

«вождя», въ учителя. Это любованіе живымъ идеаломъ можетъ быть отнесено и не къ другому полу и часто характеризуется отсутствіемъ всякаго сексуальнаго переживанія. Влеченіе къ прекрасному образу является основаніемъ этой влюбленности. Эросъ рождается не изъ сексуальнаго влеченія, влюбленность не рождается изъ либидо, а, напротивъ, сама ее рождаетъ, и съ нею многое другое.

Эросъ, влюбленность, является первичнымъ центромъ, изъ котораго рождается всякая любовь. Тутъ раскрывается положительный смыслъ сублимаціи, но въ совершенно иномъ значеніи, чѣмъ у Фрейда. Чѣмъ мощнѣе Эросъ, чѣмъ болѣе онъ благороденъ, чѣмъ полнѣе чувственное отраженіе солнца красоты, тѣмъ мощнѣе и глубже чувство подсознательной сексуальности. Эросъ отодвигаетъ сексуальность, все дѣлаетъ для подавленія ея, и тѣмъ не менѣе углубляетъ и усиливаетъ напряженіе пола. Мировой образъ этого соотношенія Эроса и сексуальности — «Пѣснь Пѣсней». Здѣсь дано первое пробужденіе Эроса, его весеннее очарованіе, но подъ всѣми этими чувствами влюбленности и любованія живетъ напряженная сила мощнаго и глубокаго тока подземной стихіи.

Отсюда свойство всякой истинной великой влюбленности — она окружена препятствіями судьбы. Во всякой подлинной влюбленности неизбежно появляются люди и разыгрываются событія, ставящія препятствія подлинному Эросу. Великая влюбленность растетъ въ силу этихъ препятствій. Отсюда понятенъ мудрый инстинктъ женской психологіи — инстинктъ сопротивленія и бѣгства, Онъ нуженъ для углубленія настоящаго, стихійнаго чувства. Отсюда же рождается и рыцарское чувство дистанціи, стремленіе «осадить коня» (Платонъ).

Эросъ и либидо — два спутника любви,

между ними она протекает. Но в жизни и действии отношения между ними часто складываются трагически.

Возможна ли полная сублимация либидо?

Сублимация возможна, но все понимание сублимации должно быть перестановлено. Если понимать сублимацию в смысле Фрейда, то сублимация, конечно, иллюзия. Но можно понять сублимацию по образу создания художественного произведения. Статуя не есть только «сублимированный камень», но вместе с тем она невозможна без камня. Нельзя сказать, что Эрос «сублимация либидо», но вместе с тем Эрос невозможен без либидо. Сексуальность есть подземный фундамент, а не материал. Фундамент тог-

да и хорошъ, когда онъ не виденъ, спрятанъ, но на немъ строится свѣтлый храмъ Эроса. Они должны быть связаны. Если же не связаны, то нѣтъ и строительства жизни.

Есть двѣ категоріи людей — для однихъ, сексусъ всегда паденіе, они не сумѣли связать сексуальность съ Эросомъ. И такихъ очень много. Сексуальность внѣ связанности съ Эросомъ всегда будетъ переживаться, какъ паденіе. Другіе нашли эту связь, и связанный съ храмомъ Эроса моментъ сексуальности углубляется и обудывается. Безъ этой связи она можетъ разорвать человѣческую душу, какъ растерзали вакханки тѣло Діониса.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ).

Н. Ф. Федоровъ. Ученіе. Догматика «Общаго Дѣла»*).

Николай Федоровичъ, какъ и нѣкоторые изъ славянофиловъ, въ силу благоприятной въ этомъ смыслѣ обстановки дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ, ни на одинъ мигъ не отходилъ отъ питающей стихіи церковной народной вѣры. Его пламенная преданность православію, которое онъ до конца дней исповѣдывалъ, признавая въ немъ чистѣйшее и высшее выраженіе религіи, засвидѣтельствована всѣми его знавшими. «Н. Ф. часто посѣщалъ церковь. Исповѣдывался. Причащался. Его видѣли въ Успенскомъ соборѣ въ состояніи молитвеннаго экстаза. А. Астаповъ часто встрѣчалъ его въ Храмъ Христа Спасителя». (А. С. Панкратовъ — «Философъ - праведникъ». «Новое Слово», 1912 годъ). «Мой путь, — говорилъ онъ, — старый, раскрывающійся въ исконномъ, естественномъ и церковно - православномъ пониманіи».

*) Продолженіе «Вѣстникъ» №№ 5-6, 7-8, 33 года.

Федоровъ придаетъ огромную важность древнему обряду, старымъ символамъ и богослужебному чину, но все это никоимъ образомъ не является для него самоудовлѣющей, заслоняющей содержаніе формой. «Православіе, — пишетъ Н. Ф. въ неизданномъ письмѣ В. А. Кожевникову, — не довольствуется догматикою, т. е. религіей лишь въ мысляхъ (идеологіей), а требуетъ, чтобы догматика, т. е. догматическое богословіе, получала полное выраженіе всѣми видами искусствъ, соединенными въ храмъ неподвижномъ, какъ и движущемся (въ крестныхъ ходахъ), во внѣшней и внутренней росписяхъ, во внутреннемъ пѣніи и во внѣшней музыкѣ (въ звонѣ), въ службахъ суточныхъ и годовыхъ, во всемъ, что можетъ составить предметъ эстетическаго богословія, которое имѣетъ величайшее значеніе, какъ воспитательное средство, приводящее къ осуществленію на дѣлѣ того, что въ эстетическомъ богословіи выражено эстетиче-

ски, въ догматическомъ лишь въ мысли, а въ нравственномъ богословіи не имѣетъ пока никакого выраженія, а потому и названія богословія эта часть (нравственная) не заслуживаетъ. Эстетика храма требуетъ отъ сыновъ человѣческихъ въ совокупности такого добра, которое уничтожаетъ зло, т. е. смерть, а не того добра, которое безъ зла существовать не можетъ. Догматика изъ школьной получаетъ въ храмѣ эстетическое выраженіе, а внѣ храма должна становиться этической, т. е. общимъ всѣхъ дѣломъ».

Отсутствіе богословія этического, нравственного, соединяющаго глубину догмата съ величіемъ практическаго дѣла, — вотъ гдѣ по мысли Федорова величайшій пробѣлъ въ нашей церковной наукѣ. То, что въ школьныхъ учебникахъ именуется «нравственнымъ богословіемъ», ни въ какой степени не отвѣчаетъ высотѣ, глубинѣ и чистотѣ богословія догматическаго и эстетическаго. Оно совершенно не въ состояніи возбудить человѣческую волю, столь дѣйственно, какъ умозрѣніе догмата окрыляетъ умъ, а красота обряда живитъ и питаетъ чувство. Вся богословская сторона «Философіи общаго дѣла» и имѣетъ единственную цѣль — заполнить, наконецъ, этотъ вѣковой пробѣлъ.

На ученіи о божественномъ Тріединствѣ строится вся этика, вся соціологія Федорова. Глубочайшимъ образомъ презираетъ онъ «альтруистическую» мораль, какъ мораль, «которая мѣшаетъ намъ быть слишкомъ смѣлыми поклонниками своего эгоизма, всѣхъ давить и губить». Причемъ — не столь смѣлое и послѣдовательное поклоненіе эгоизму, въ видѣ позволенія «давить и погублять», съ оговорками, и не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ, все же ею допускается. Нѣкоторые считаютъ эту мораль, которая мирится съ существованіемъ смерти, «христіанскою», другіе, правильнѣе, предпочитаютъ именовать ее

«обще - гуманитарною». Всѣмъ существомъ Н. Ф. Федоровъ возстаетъ противъ такого «альтруизма». Для Федорова православіе — отрицательно — есть печалованіе о всеобщей розни, распадѣ, насильственномъ гнетѣ мнимыхъ «объединеній»; положительно же — оно есть проектъ подлиннаго всеобщаго объединенія по образу Божественнаго Тріединства и дѣятельность, въ каждую историческую эпоху въ своей формѣ стремившаяся къ осуществленію этого проекта.

«Ученіе о Троицѣ въ смыслѣ согласія можетъ считаться общепринятымъ, даже народнымъ: не называютъ ли «троицей нераздѣльной» людей, которыхъ часто встрѣчаютъ вмѣстѣ, полагая, конечно, что нераздѣльность ихъ служитъ выраженіемъ согласія и пріязни. Такъ говорятъ у насъ, такъ говорятъ, быть можетъ, и въ другихъ христіанскихъ странахъ. Стоитъ только вникнуть въ эту ходячую, общеизвѣстную мысль, чтобы придти къ такому ученію о Троицѣ, котораго богословы лишь касались, и то только мимоходомъ. Такое же пониманіе Ея можно видѣть и въ томъ, что мирные договоры пишутся во имя Троицы нераздѣльной, манифесты же о войнѣ во имя Троицы не пишутся».

«Очевидно, — продолжаетъ свою мысль Н. Ф. Федоровъ, — если понятіе о Богѣ Тріединомъ, въ смыслѣ заповѣди, и не было доведено до полнаго сознанія, тѣмъ не менѣе, вѣрное, хотя и неопредѣленное, чувство руководило христіанскими народами, когда они употребляли имя нераздѣльной Троицы въ мирныхъ и союзныхъ договорахъ и воздерживались отъ употребленія этого Святѣйшаго Имени при объявленіи войны и при совершеніи актовъ юридическаго и экономическаго свойства».

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же заключать кабальныя записи во имя Троицы, какъ нельзя во имя Троицы основывать акціо-

нерныя и т. п. компани. Несомнѣнно, что основы ученія о Троицѣ лежали въ глубинѣ человѣческой совѣсти: они руководятъ человѣкомъ въ социальныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ нѣкоторые и до сихъ поръ еще ставятъ социальныя отношенія внѣ этики, т. е. науки о нравственности. Мысль объ осуществленіи на землѣ подобія Тріединому никогда не была чужда человѣчеству, но никогда человѣчество не ставило себѣ цѣлью постепенное осуществленіе такого подобія, никогда даже не дѣлало (сознательно, по крайней мѣрѣ) оцѣнки различныхъ договоровъ, союзовъ, ассоціацій съ этой высшей точки зрѣнія. Оно, повидимому, даже опасалось затрагивать мысль объ оцѣнкѣ, потому что считало невозможнымъ отказаться отъ такихъ договоровъ, которые явно противорѣчили образцу. Не говоря уже о кабальныхъ записяхъ, даже договоры о личномъ наймѣ не представляютъ ли явнаго нарушенія родственнаго образца, ибо наемникъ не сынъ: договоръ личнаго найма не можетъ быть заключаемъ во имя Троицы нераздѣльной, неразрывной, потому что наемъ времененъ, наемникъ не сынъ, только сынъ пребываетъ въ дому вѣкии».

«Въ Божественномъ Существоѣ открывается то самое, что нужно человѣческому роду, чтобы онъ сталъ безсмертнымъ. Троица, это **церковь безсмертныхъ**, и подобіемъ ей со стороны человѣка можетъ быть лишь **церковь воскресенныхъ**. Въ Троицѣ нѣтъ причинъ смерти и заключаются всѣ условія безсмертія.

«Пока въ жизни, въ дѣйствительности самостоятельность лицъ будетъ выражаться въ розни, а единство въ порабощеніи, то многоединство, какъ подобіе Тріединства, будетъ лишь мысленнымъ, идеальнымъ. Если же мы не допускаемъ отдѣленія дѣйствія отъ мысли, то Тріединство будетъ для насъ не идеаломъ лишь, а проектомъ, т. е. не надеждою, а заповѣдью.

Только дѣлая, осуществляя на дѣлѣ, можно понимать».

Ученіе о Тріединствѣ есть не что иное, какъ «высшее выраженіе родственности», оно обращено ко всему роду человѣческому, «къ лицамъ, взятымъ не въ отдѣльности, а въ совокупности», и призываетъ къ дѣлу общему, родовому. Это дѣло должно вывести людей изъ животноподобнаго состоянія, «изъ-подъ власти какъ естественнаго подбора, т. е. борьбы и ига, такъ и изъ-подъ власти подбора полового». Поэтому, полагаетъ нашъ мыслитель, «ученіемъ о Тріединомъ Существоѣ отрицается, съ одной стороны, вражда и господство (военное и юридическое), вообще непріязнь, а съ другой стороны, и любовь чувственная, какъ проявленіе слѣпой силы, и подчиненіе ей существо разумныхъ и чувствующихъ, отрицается вообще безсознательное и невольное, ибо въ этомъ подчиненіи слѣпой силѣ заключается причина и вражды, и порабощенія. Въ Тріединомъ Существоѣ нѣтъ ничего безсознательнаго и невольнаго, ибо все въ немъ вѣдѣніе и могущество».

Природное рожденіе, возобладавшее въ челоѣчествѣ, есть постепенное отдѣленіе, отчужденіе рождаемаго отъ рождающаго: размноженіе здѣсь достигается цѣнной распаденія и разложенія первоначальнаго цѣлаго. Въ Божествѣ же Сынъ Божій есть **слово** Божіе, а не безсознательно рожденное существо: онъ являетъ **собой образъ** Отца, будучи отъ Него вѣкии неотдѣлимъ. Ни животное рожденіе, ни наука, дающая только мысленные образы, ни искусство, закрѣпляющее образы во внѣшне-ощутительныхъ, но все же недостаточно одушевленныхъ формахъ, не дѣлаютъ челоѣка подобнымъ божеству. Все это частично, пробно, неудачно, не доводитъ до конца, до цѣли. Неполное, половинное (половое) воспроизведеніе должно быть замѣнено инымъ цѣлостнымъ

(цѣломудреннымъ), которое задано учени-
емъ о Трїединомъ Существѣ».

«Всеобщее воскрешеніе не художественное только твореніе изъ камня, на плотнѣ и т. п.: не безсознательное рожденіе, а воспроизведеніе изъ насъ, какъ огонь изъ огня, при посредствѣ всего, что есть на землѣ и на небѣ всѣхъ прошедшихъ поколѣній» — вотъ что «заповѣдуетъ» намъ ученіе о Трїединомъ Богѣ. Такое воспроизведеніе становится возможнымъ при уподобленіи сыновъ и дочерей человѣческихъ тому единству, «образъ котораго намъ данъ въ единствѣ Отца съ Сыномъ, или, точнѣе, въ единствѣ Сына и Духа, одинаково любящихъ, одинаково вѣдающихъ Отца, въ вѣдѣніи и любви къ Отцу находящихся свое глубочайшее единство».... «Самые высокіе идеалы социологіи становятся не только низкими, но и нечистыми» передъ задачей того «общенія или общества, обнимающаго весь родъ человѣчскій», которая вытекаетъ изъ ученія о Троицѣ, а между тѣмъ это ученіе элементарно просто — оно есть прямой отвѣтъ на требованіе родственнаго чувства, въ той или иной степени присутствующаго каждой семьѣ и наиболѣе свойственнаго дѣтскому возрасту—отсюда требованіе Евангелія для пониманія высшихъ истинъ «обратиться и стать какъ дѣти». «Истинный образецъ безсмертнаго общества, — утверждаетъ Н. Ф. Федоровъ, — былъ выработанъ въ догматическихъ спорахъ эпохи вселенскихъ соборовъ, а не въ конвентахъ, не въ парламентахъ, не въ деклараціяхъ правъ человѣка, не въ построеніяхъ и утопіяхъ всѣхъ коммунистовъ и социалистовъ. Въ этихъ послѣднихъ заботились о сохраненіи независимости и равенства личностей, а не объ отечествѣ и братствѣ, хотя слова эти и употреблялись; образецъ общества былъ выработанъ не адвокатами, но опцами церкви... Въ представленіи лицъ Святой Трои-

цы «нераздѣльными», т. е. неотчуждающимся, неотдѣляющимся другъ отъ друга, не вступающими въ борьбу, которая сама по себѣ ведетъ къ разрушенію общества и смерти, въ такомъ представленіи союзъ Божественныхъ лицъ являлся неразрушимымъ, безсмертнымъ. Представленіемъ же лицъ Св. Троицы несліянными устранялась смерть ихъ, потому что несліянность означаетъ невозможность поглощенія однимъ лицомъ всѣхъ прочихъ, которыя при немъ теряютъ свою личность, дѣлаются его безсознательными орудіями и, наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ сливаются, обращаясь вмѣстѣ съ нимъ въ полное безразличіе, въ ничто».

Таково въ общихъ чертахъ даваемое «Философіей общаго дѣла» пониманіе основнаго христіанскаго догмата. Все берется въ связи съ дѣломъ, съ реальнымъ заданіемъ: это подлинно богословіе волевое, нравственное, практическое, дѣловое.

Подобнымъ же образомъ Федоровъ подходит и ко всѣмъ прочимъ пунктамъ церковнаго вѣроученія. Таковы, напримѣръ, вопросы христологіи: одна или двѣ природы во Христѣ, одна или двѣ воли въ Немъ. Стоитъ только перевести эти вопросы на практическую почву, т. е. принять ихъ за законъ, за правило, чтобы понять, какой важный шагъ былъ сдѣланъ въ утвержденіи долга воскрешенія, когда разработаны его метафизическія основы. «Догматомъ, что Христосъ былъ не только Богъ, но и дѣйствительный человѣкъ, доказывалась и необходимость дѣятельности самого человѣка въ дѣлѣ воскрешенія, и не только нравственной, но и умственной, и физической, и матеріальной. Догматомъ о двухъ естествахъ во Христѣ, ученіемъ о двухъ воляхъ, о двойномъ дѣйствіи утверждалась необходимость въ дѣлѣ искупленія или воскрешенія двухъ волей, дѣйствующихъ въ полномъ согласіи».

Обратимся теперь къ уясненію связи нравственнаго богословія съ богословіемъ уже не догматическимъ, но культовымъ, «эстетическимъ». Федоровъ, какъ мы видѣли, культу, обряду придаетъ не меньшее значеніе, чѣмъ догмату: учительность обряда неизмѣримо шире. Догматъ для немногихъ (мыслящихъ), обрядъ для всѣхъ (чувствующихъ). Среди множества церковныхъ ритуаловъ (какъ дѣйствій) достаточно остановиться на одномъ центральномъ, получившемъ у грековъ названіе литургіи, что по-русски должно быть передано, какъ «общее дѣйствіе», общее дѣло. «Въ чемъ заключается отправленіе храма? — спрашиваетъ Н. Ф. Федоровъ. И отвѣчаетъ: оно есть литургія, литургія же состоитъ въ томъ, что берутъ прахъ предковъ въ видѣ хлѣба, изъ хлѣба вынимаются части, называются по имени, напояются виномъ и затѣмъ претворяются въ тѣло и кровь.*) Это было бы дѣйствительно тѣло и кровь, если бы наша вѣра была живая, если бы она выражалась, обнаруживалась въ дѣлѣ, если бы литургія не ограничилась храмомъ, если бы внутреннее общеніе переходило въ общее человѣческое дѣло. Соединеніе всѣхъ въ одномъ дѣлѣ, въ одной задачѣ и есть отправленіе этого храма или литургія, т. е. всеобщее дѣйствіе».

«Если литургія въ настоящее время не вполне соответствуетъ своему названію или назначенію, служенія общему дѣлу, то только потому, что въ жизни мы выказываемся не тѣми людьми, какими являемся въ молитвѣ. Въ молитвѣ мы возвышаемся до скорби объ общихъ бѣдствіяхъ, удручающихъ человѣческой родъ, дѣятель-

*) Здѣсь искаженіе церковнаго пониманія смысла поминовенія живыхъ и умершихъ на Литургіи. Частицы вынутыя за здравіе и за упокой не предлагаются въ «тѣло и кровь».

ность же наша ограничивается такими интересами, что называя ихъ личными, мы даемъ оскорбительное опредѣленіе и нашей личности, и личности вообще».

По ученію Н. Ф. Федорова, «литургія, не имѣя болѣе въ виду закрѣпленія взаимности братства, перестаетъ быть дѣйствующей, замираетъ; службы хотя и совершаются, но въ общеніи, въ сближеніи съ ближними, съ дальними, прогресса преемственности не замѣчается». Однако, «дѣло литургіи нельзя ограничивать только объединеніемъ живущихъ для общаго дѣла, ибо литургія и есть это самое дѣло, она есть общее воскрешеніе, но въ формѣ лишь таинственнаго, а не явнаго дѣла. Такъ какъ «общее дѣло», литургія отвлечена отъ дѣйствительной жизни и стала лишь храмовой службой, исторія, жизнь идетъ уже не путемъ собиранія, а путемъ разобщенія. Разобщеніе создается образованіемъ, наукой, искусствомъ, проступками, преступленіями и вообще всею гражданскою, свѣтскою жизнью, потому что жизнь уже не имѣетъ болѣе никакой общей цѣли, не является общимъ дѣломъ. А между тѣмъ, христіанство, по существу, есть не ученіе только искупленія, а именно самое дѣло искупленія».

«Пока въ священной трапезѣ много еще не занятыхъ мѣстъ, таинство не имѣетъ еще полной дѣйствительности». Евхаристія не освобождаетъ еще отъ смерти, а она, по мысли Н. Ф. Федорова, должна привести именно къ реальному и физическому преодолѣнію смерти, ибо, говоритъ онъ, «объяснять дѣйствія евхаристіи лишь какъ-то духовно, значитъ умалять подвигъ Христа, обращать его ученіе въ игру словъ». Поэтому, заключаетъ онъ, надо притти къ выводу, что «евхаристія (литургія) не избавила еще отъ смерти вслѣдствіе того, что еще не кончилась, ибо евхаристія также едина и вселенска, какъ церковь едина и всемірна». «Литур-

гія есть единое всеобщее еще не оконченное дѣло, дѣло всеобщаго воскресенія, какъ это слѣдуетъ по смыслу десятого члена Символа Вѣры, ибо крещеніе, признаваемое единымъ, есть средняя часть литургій, оглашеніе ему предшествуетъ, а литургія вѣрныхъ за нимъ слѣдуетъ, и въ такомъ смыслѣ — литургія должна обнять всю жизнь, не духовную только или внутреннюю, но и внѣшнюю, мірскую, свѣтскую, превращая ее въ дѣло воскресенія. Литургія, какъ «общее дѣло», совершается двойнымъ дѣйствіемъ — дѣйствіемъ благодати Божіей (и въ этомъ отношеніи она трансцендентна по отношенію къ людямъ), и дѣйствіемъ человѣческой соединенной воли — въ этомъ отношеніи литургія есть и имманентное дѣйствіе всѣхъ людей, «обращающее посредствомъ естественныхъ силъ прахъ въ тѣло и кровь Христову, т. е.: въ Церковь, обнимающую всѣ поколѣнія».

Для осуществленія «полнодѣйственности» литургій, «къ объединенію въ трапезѣ нужно присоединить и единство въ общемъ трудѣ, къ храмовой литургіи нужно присоединить и внѣхрамовую. Питаніе (литургія есть «трапеза», «вкушеніе»), профанируется, когда превращается въ утонченное наслажденіе, а не въ восстановленіе черезъ пищу тѣлесныхъ силъ для труда, и не въ возбужденіе души черезъ общеніе къ новому труду».

«Христіанство, — еще опредѣленнѣе формулируетъ свои мысли Н. Ф., — есть объединеніе живущихъ для воскресенія умершихъ, т. е. соединеніе ядущихъ и пьющихъ въ любви для возвращенія къ трапезѣ любви отшедшихъ: ѣдятъ и пьютъ для того, чтобы имѣть силу возвратити къ жизни умершихъ. Христорь, соединивъ при Своемъ отшествіи поминовеніе или любовь къ Себѣ (что значить и любовь ко всѣмъ отшедшимъ) съ питаніемъ, съ

тѣмъ, что даетъ силу на трудъ, заповѣдалъ собрать всѣхъ живущихъ въ этой вечери любви, такой любви, которая отдаетъ всѣ силы жизни для того, чтобы увидѣть и услышать Его со всѣми отшедшими». Литургія, какъ «общее дѣло», какъ всеобщее дѣло всеобщаго воскресенія, одна только и можетъ объединить человечество, можетъ спасти. И при томъ — можетъ спасти и объединить не только вѣрующую, но и невѣрующую часть человечества. «Если для вѣрующихъ литургія божественное служеніе, — раскрываетъ Н. Ф. свою мысль, — то для невѣрующихъ она художественное воспоминаніе. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ она имѣетъ одинаково священный характеръ по важности вопросовъ продовольственнаго и санитарнаго, входящихъ въ евхаристію. Пусть то, что для вѣрующихъ Тѣло и Кровь Христова, для невѣрующихъ только хлѣбъ и вино, или символъ Тѣла и Крови Христовой. Но какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ евхаристія — глубокая тайна, въ выясненіи коей и состоитъ наша задача. Объединеніе народовъ произойдетъ въ общемъ дѣлѣ, въ литургіи, приготовляющей трапезу всѣмъ (вопросъ продовольственный), для исцѣленія души и тѣла всѣхъ (вопросъ санитарный). Эта всѣмъ человечествомъ совершаемая литургія будетъ молитвою, переходящею въ дѣйствіе: мысленнымъ воспоминаніемъ, преходящимъ въ дѣйствительность; престоломъ этой литургіи будетъ вся земля, какъ прахъ умершихъ, «силы небесныя» — свѣтъ, теплота — будутъ видимо а не таинственно служить для обращенія праха въ тѣло и кровь умершихъ *). Обратио, «если расположе-

*) Въ этомъ пониманіи и истолкованіи литургіи съ особенной силой выступаетъ «натурализмъ» ученія Н. Ф. Федорова,

ніе, настроеніе, даваемое литургіей въ храмѣ, не будетъ выражаться внѣ храма, то и молитва, и вѣра будутъ бесплодными, т. е. не будетъ ни вѣры, ни молитвы».

«Въ рядѣ храмовыхъ обрядныхъ дѣйствій ярко выражено это исконное и естественное стремленіе молящихся расширяться за предѣлы храма, перевести молитвы въ дѣйствіе: стѣны храма служатъ, можно сказать, поясомъ, связующимъ всѣхъ присутствующихъ, а ходы церковные имѣютъ смыслъ объединенія въ жизненномъ пути и въ общемъ дѣлѣ».

Согласно чрезвычайно простой формулировкѣ Н. Ф. «воскресеніе тѣлесное есть дѣло Божіе, совершаемое при участіи всѣхъ людей, дѣло, къ которому люди безучастными оставаться не могутъ, а потому и должно быть совершено при участіи всѣхъ людей. «Ибо, какъ смерть черезъ человѣка, такъ черезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ» (Посл. къ Кор. ХУ, 21).

Въ первые вѣка христіанства широкимъ церковнымъ сознаниемъ еще отчетливо ощущалась эта связь между человѣческой дѣятельностью и имѣющей начаться «жизнью будущаго вѣка». Федоровъ указываетъ въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ къ Кожевникову, что еще въ IV вѣкѣ время наступленія воскресенія ставилось

нечувствіе значенія и разрушительной силы грѣха, отрицаніе силы и дѣйствія Голгофы. Редакція).

въ зависимость отъ жизни христіанъ. «На нихъ (юношахъ, удаляющихся отъ церковныхъ собраній) — говоритъ св. Кирилль Александрійскій, — падаетъ вина въ томъ, что пришествіе Царства Небеснаго будетъ отодвинуто на неопредѣленное время и будутъ обмануты надежды миллионовъ людей, денно и ночью молящихся о томъ, чтобы разверзлись могилы и чтобы живые вкусили блаженство Царства Небеснаго».

Итакъ, надлежащая организація церковныхъ собраній должна была какъ-то придвинуть и опредѣлить время разверзанія могиль.

Въ тѣ времена, полагаетъ Н. Ф. конечно, никто не нашель бы ничего удивительнаго въ приглашеніи къ «внѣхрамовой литургіи», т. е. къ тому, чтобы и «внѣ храма быть тѣмъ же, чѣмъ должно быть внутри храма», — совершенно отрѣшиться «отъ всякой суеты, отъ всякой юридико - экономической суеты», поясняетъ Федоровъ и добавляетъ: «Если третья заповѣдь требуетъ, чтобы имя Божіе не было употреблено всуе, то это не значитъ, чтобы эта заповѣдь ограничивала употребленіе Имени Божія, какъ это понимало еврейство: нѣтъ, она требуетъ, чтобы не было суеты. Впрочемъ, это опредѣленіе внѣхрамовой литургіи есть только отрицательное: суету нужно замѣнить великимъ дѣломъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

О смертной казни.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗГОВОРА.

(Продолженіе).

В. Иными словами, вы вносите измѣненіе въ VI заповѣдь, категорически и безусловно повелѣвающую намъ «не убій». Съ

вашей поправкой эта заповѣдь должна была бы читаться такъ: «не убій по злобѣ или для своей выгоды», съ вытекаю-

щимъ изъ этого текста логическимъ добавленіемъ, что убить для **общаго блага** не возбраняется. Вотъ если бы такая редакція существовала, вы были бы совершенно правы, при условіи, конечно, неоспоримаго знанія, каково, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это «общее благо». Но вѣдь такой редакціи нѣтъ; весь же подлинный смыслъ VI заповѣди, утвержденной Христомъ, и заключается въ ея категоричности. Почему такъ — это должно же быть ясно сознаваемо нами, если мы съ вами говоримъ, какъ христіане. Да потому, что своевольно отнимая жизнь у другого, человѣкъ или общество, не только лишаетъ его **условнаго** блага земной жизни, но и пресѣкаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ данную ему Провидѣніемъ возможность достиженія и блага **безусловнаго**. Вѣдь для христіанина его земная жизнь есть лишь средство, есть предначертанный Провидѣніемъ, въ Имъ Однимъ положенныхъ предѣлахъ, путь къ иной блаженной и вѣчной жизни за гробомъ; ради какого же общаго или не общаго земнаго, условнаго блага можетъ кто-либо своевольно у него это средство стнять? Ясно, что такой эквивалентъ невозможенъ, а потому и всякое своевольное отнятіе жизни, будь то убійство, будь то смертная казнь, хотя бы съ самымъ прекраснымъ намѣреніемъ, недопустимы христіанскимъ сознаниемъ.

Вѣдь казня смертью убійцу и тѣмъ лишая его вмѣстѣ съ жизнью возможности покаянія и исправленія, вы какъ бы предваряете рѣшеніе Единого, компетентнаго тутъ Всевышняго Судьи, а потому, кромѣ подлости и жестокости, свершаете еще и **нечестіе**. Отнять жизнь мы были бы въ правѣ лишь тогда, когда совершенъ не прощаемый, смертный грѣхъ, не могущій быть искупленнымъ дальнѣйшей жизнью преступника. Тогда, дѣйствительно, жизнь его потеряла бы свою подлинную **внут-**

ренную самоцѣнность, и мы были бы въ правѣ обратить ее во **внѣшнее средство** и какой-либо иной, посторонней ей, благой цѣли, скажемъ, хотъ для устрашенія казнью, какъ то принято думать, другихъ потенциальныхъ убійць. Но кто же, кромѣ Всевѣдущаго, можетъ этотъ вопросъ разрѣшить и такой приговоръ произнести?

А. Пусть такъ, соглашаюсь, что сознательное своевольное отнятіе жизни ни подъ какимъ видомъ не допускается христіанской совѣстью. Но вѣдь состояніе невозмущенной христіанской совѣсти есть удѣлъ совершеннаго христіанства, т. е. того идеала, до котораго намъ еще далеко. И въ должномъ стремленіи къ нему, не можемъ же мы забывать и тѣхъ безспорныхъ очередныхъ задачъ, разрѣшать которыя, а не отмахиваться отъ нихъ, мы обязаны, ибо разрѣшеніе это и есть путь, медленный и извилистый, но необходимый для достиженія того же идеала. Для общества такой безспорной задачей является огражденіе жизни всѣхъ его членовъ отъ преступнаго на нее покушенія нѣкоторыхъ. Огражденіе же это достигается, по крайнему нашему разумѣнію, лишь путемъ **устрашеній** черезъ смертную казнь. Такъ согласитесь же, что намѣреніе, руководящее смертною казнью, достойное и рѣзко отличающееся отъ корысти и злобы того убійцы, котораго общество казнить, а если такъ, то нельзя же равнять въ моральной оцѣнкѣ смертную казнь и убійство.

В. Долженъ напомнить вамъ то, въ чемъ мы только что согласились, а именно что христіанское сознание не можетъ добросовѣстно допустить своевольнаго отнятія жизни, и что, стало быть, такое добросовѣстное допущеніе равносильно отрицанію христіанства. Я совершенно съ вами согласенъ, что не надлежитъ отмахиваться отъ очередныхъ задачъ на пути къ до-

стиженію идеала, но это не значитъ, что для этого разрѣшенія надо отмахнуться и отъ самого идеала. Да это и невозможно, а потому и нечлѣсообразно, ибо всегда и во всемъ, стремленіе къ достиженію «очередного», какъ вы его называете, условнаго блага, путемъ отступленія отъ пути ко благу безусловному, неминуемо приводитъ къ отрицанію и этого условнаго блага, а потому оно, какъ критерій для положительной оцѣнки такого компромисснаго отступленія, не годится. Критерій же тутъ одинъ: «Не убій», и онъ одинаково осуждаетъ и смертную казнь, и убійство.

А. Да, но осуждая и то, и другое, онъ все же не мѣшаетъ намъ различать и разнo оцѣнивать убійство — преступленіе, совершенное изъ корысти и злобы, и убійство — наказаніе, свершенное по справедливому негодованію и съ благой цѣлью.

В. Вы говорите, что смертная казнь есть удовлетвореніе справедливаго негодованія на убійцу. Но вѣдь вы согласились, что негодованіе тутъ, и справедливѣйшее, должно вызываться своевольнымъ отнятіемъ жизни у другого, какъ тягчайшимъ грѣхомъ; такъ неужели же справедливое негодованіе ваше удовлетворится, если вы тутъ же сами свершите то самое, на что негодуете? Воля ваша, но несообразность здѣсь явная и вопіющая, и надо какъ-нибудь ее объяснить. А приходится объяснить ее только тѣмъ, что вы, въ сущности, не самымъ своевольнымъ отнятіемъ жизни, какъ таковымъ, возмущены, ибо тогда вы бы сами тотчасъ же его не свершали, а возмущены чѣмъ-то другимъ. Чѣмъ же именно? Да тѣмъ, что вы видите въ этомъ убійствѣ угрозу и для себя самого. Угроза же эта вамъ причиняетъ сильнѣйшее безпокойство, т. е. **страданіе**, за каковое необходимо **отмстить** угрожающему и тѣмъ

себя успокоить и на настоящее, и, путемъ устрашенія, — на будущее. Стало быть, дѣйствуете вы тутъ подъ вліяніемъ **страсти мщенія**, той самой, о которой я говорилъ въ началѣ нашей бесѣды.

Такъ что же, если убійца убиваетъ для удовлетворенія какой-либо **своей** страсти, то это — **плохо**, если же вы убиваете для удовлетворенія **вашей** страсти, то это **хорошо**? Согласитесь, что это разсужденіе — готтентотское, а отнюдь не христіанское, и что, стало быть, опираться на него христіанскому обществу не годится.

Далѣе, вы утверждаете, что смертная казнь преслѣдуетъ благоую цѣль **устрашенія**, предотвращающаго другія убійства. Но вы и тутъ ошибаетесь. Вѣдь убійство въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершается: 1) либо въ приступѣ страстной злобы и ненависти; 2) либо въ не мнѣе страстной погонѣ за чѣмъ-нибудь, для достиженія чего убиваемый служитъ препятствіемъ; 3) либо, наконецъ, когда убійство, съ его **проблематической** отвѣтственностью, является гарантіей отъ тяжелой отвѣтственности **несомнѣнной** (напримѣръ: убійство свидѣтеля какого-либо иного тяжкаго преступленія). Въ первыхъ двухъ случаяхъ, тотъ приступъ страсти, который понуждаетъ человѣка къ страшному акту убійства, очевидно, затмеваетъ и всякое соображеніе объ отвѣтственности, ибо всякая крайняя страсть дѣлаетъ человѣка безумнымъ; въ третьемъ же случаѣ, и въ условіяхъ свершаемаго преступленія выборъ отвѣтственности проблематической всегда обезпеченъ.

Скажу болѣе, смертная казнь не только не предотвращаетъ убійствъ, но ихъ, такъ сказать, культивируетъ. Вѣдь человѣкъ удерживается отъ убійства прежде всякаго страха внѣшней отвѣтственности, страхомъ отвѣтственности внутренней, ужасомъ передъ свершеніемъ этого предѣльнаго беззаконія. И чѣмъ сильнѣе и ярче

внутреннее убѣжденіе въ его недопустимости, тѣмъ труднѣе переступить черезъ него. Такъ, утверждаемая обществомъ смертная казнь, какъ принципіальное допущеніе своевольнаго лишенія жизни другого, не ослабляетъ ли и не затмеваетъ ли естественное убѣжденіе челоуѣка въ его недопустимости и не способствуетъ ли тѣмъ самымъ убійствамъ? Конечно, способствуетъ, и тому есть безчисленные доказательства. Поэтому будетъ не парадоксомъ, а истиною, противоположною вашему утвержденію, если мы скажемъ, что чѣмъ больше смертныхъ казней, тѣмъ больше и убійствъ.

Да къ тому же смертная казнь вовсе и не есть наказаніе, какъ вы ее опредѣляете. Въдѣ наказаніе по существу своему всегда имѣетъ цѣлью своей самого наказуемаго, т. е. его исправленіе, на что въ русскомъ языкѣ указываетъ и само это слово, имѣющее еще значеніе «наставлять, направлять». Какъ же смертная казнь исправляетъ, когда самъ объектъ его устраняется?

Впрочемъ, не только смертная казнь, но и всѣ существующія «наказанія» на томъ же основаніи, хотя и не въ такой степени, не заслуживаютъ этого названія. Смертная казнь лишь наиболѣе яркое и категорическое его отрицаніе.

А. Ну, тутъ ни я, да и никто, съ вами спорить не будетъ, что лучше всего было бы исправлять преступника, и что существующая система наказаній для этого со-

вершенно не годится. Но легко сказать «исправлять», укажите лучше, какъ это сдѣлать.

В. Сказать вамъ, какъ это сдѣлать, разумѣется, очень трудно, да и выходитъ за предѣлы темы нашего разговора; но если какъ вы говорите, никто со мной спорить не будетъ, то необходимо въдѣ — и это совсѣмъ не трудно — хотя ясно формулировать и поставить себѣ это заданіе. Въдѣ безъ этого исходнаго акта не обойтись. Однако, это заданіе не ставится и не формулируется, ибо общественное сознаніе теперь, какъ и прежде, упорно продолжаетъ считать и называть свое мщеніе, будь то смертная казнь, будь то тюрьма или каторга, наказаніемъ. Поставить же себѣ это заданіе — значитъ, прежде всего, отвергнуть смертную казнь, какъ чистѣйшее его отрицаніе.

Пока же она не отвергнута, пока приходится слышать отъ огромнаго большинства не отрицаніе ея, а глубокомысленныя и спокойныя разсужденія, лишь о сравнительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ висѣлицы, разстрѣла, гильотины и электрическаго стула, и это зачастую отъ добрѣйшихъ людей, неспособныхъ, можетъ быть, раздавить и муху, но и не способныхъ или не желающихъ отдать себѣ отчетъ въ чудовищности и безуміи такихъ своихъ разсужденій, нельзя, разумѣется, и приступить къ осуществленію заданія.

Е. Драшусовъ.

Совѣтская жизнь.

Приводя матеріалы относительно Совѣтской Россіи, «Вѣстникъ» прежде ограничивался преимущественно сообщеніемъ матеріаловъ, иллюстрирующихъ религіозную жизнь Сов. Россіи или жизнь совѣтской молодежи.

Сейчасъ «Вѣстникъ» расширяетъ границы своихъ информаций. Онъ будетъ касаться всѣхъ областей и сторонъ жизни въ Совѣтской Россіи.

Отмѣчая всѣ неувязки и безсмыслицы, порожденныя «коммунистическимъ строи-

тельствѣ», «Вѣстникъ» будетъ отмѣчать и «достиженія» или то, что коммунистическая печать расцѣпляетъ какъ достиженія.

Этого требуетъ правильная постановка задачи борьбы за русскую идею, за русскую культуру.

***

Жилищное строительство.

«Начну съ того, что домъ былъ заселенъ въ состояннн, весьма далеко отъ идеала. Не было (и нѣтъ) въ домѣ уборныхъ, не было (и нѣтъ) помойной ямы. Отбросы, зловоніе, мириады мухъ. Въ нашемъ домѣ 4 грудныхъ ребенка. У всѣхъ желудочныя болѣзни.

Только черезъ мѣсяцъ послѣ заселенія начали строить уборную на улицѣ, но и то скоро прервали строительство, переведя дѣло на рельсы дискуссіи. Споръ шелъ о выборѣ мѣста. Въ концѣ концовъ, несмотря на протестъ жильцовъ, уборную поставили передъ окнами.

Боюсь, что нашъ строительный участокъ неспроста названъ «опытнымъ». Странныя вещи происходятъ здѣсь съ домами. Иные изъ нихъ перекошились, иные при первомъ дождѣ оказались затопленными. Въ моей квартирѣ въ двухъ мѣстахъ протекаетъ потолокъ, осѣла печь — того и гляди рухнетъ, вокругъ косяковъ потрескались стѣны... А моя комната считается еще образцовой. Въ первомъ этажѣ топятъ печь, у насъ во второмъ полно дыма. Но бываетъ и хуже. Во второй квартирѣ капитальная стѣна самымъ недвусмысленнымъ образомъ просвѣчиваетъ. В^р домѣ № 2 трижды въ разныхъ частяхъ обрушивался потолокъ.

...Комната моя — неограниченный просторъ для полезныхъ наблюдений. Однажды я замѣтилъ, что каждый разъ, когда шевелится ребенокъ, коляска приходитъ

въ движеніе. Оказалось нетруднымъ установить, что она имѣетъ опредѣленное тяготѣніе къ двери.

А какая богатая возможность приобрести новую квалификацію. То дверь перекошилась на петляхъ, то фортка выпала, то окно перестаетъ закрываться. Поправки, починки — каждый день. Полы настланы хуже мостиковъ на проселочныхъ дорогахъ.

Обращаться въ стройконтору бесполезно, да и опасно. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ нашего дома всѣ комнаты оказались съ фортками (вѣроятно, за счетъ другихъ домовъ).

И вотъ однажды являются люди со стамесками, снимаютъ фортки, и... прохолодитъ мѣсяцъ, другой, третій, начинаются холода, а на мѣстѣ форточекъ — дырки. Пять разъ пришлось сходить съ челобитной къ прорабу участка и къ десятнику Борискину и возвращаться ни съ чѣмъ, выслушавъ наборъ самыхъ крѣпкихъ выражений бывшаго Сухаревского рынка.

О строителяхъ можно бы рассказать много печальныхъ анекдотовъ.

Жители нашего участка не нуждаются въ календаряхъ. Выходные дни можно узнавать по болѣе дешевому и, главное, болѣе безошибочному способу. Достаточно выглянуть въ окно. Если увидишь на пустырь множество мужчинъ и женщинъ, изогнувшихъ подъ тяжестью дверей, оконныхъ рамъ и прочихъ деревянныхъ стандартдеталей, значитъ, сегодня выходной день: жители запасаются топливомъ. Наиболѣе предприимчивые заодно запасаются цѣлыми ящиками стекла и различными строительными инструментами.

Предполагается, что надо принять мѣры, но какъ? Въ здѣшнемъ обиходѣ отсутствуютъ самыя обыденныя понятія изъ области самоуправления. Нѣтъ даже домкомовъ. Правда, иногда появляется молодой

человѣкъ, называющій себя комендантомъ, но онъ оскорбляется при первомъ упоминаніи о помойной ямѣ и охранѣ строительныхъ матеріаловъ.

Мы живемъ какъ Робинзоны. Каждый самъ себѣ санитарный надзоръ, самъ себѣ жилищно - ремонтное товарищество, самъ себѣ культпросвѣтъ. Мы даже не знаемъ, гдѣ живемъ. На конвертахъ, вмѣсто обратнаго адреса, мы указываетъ градусы широты и долготы, такъ какъ иначе трудно назвать мѣсто жительства. Наши паспорта прописаны въ подмосковномъ Реутовскомъ районѣ, но въ Реутовѣ насъ считаютъ москвичами.

Нѣтъ рынка, за луковицей приходится отправляться за 5 километровъ, за литромъ керосина — за два, въ баню или кино — и того дальше. Внѣшній міръ не входитъ ни въ какія отношенія съ нами. Даже квартирной платы съ насъ не взимаютъ.

А хуже всего то, что не видно никакихъ попытокъ измѣнить это совершенно невыносимое положеніе. Напротивъ, съ каждымъ днемъ перспективы становятся все мрачнѣе. Зима на порогѣ, а дома не приводятся въ жилой видъ. Сейчасъ, въ сентябрѣ, при вѣтрѣ со стороны оконъ неммыслимо натопить комнату.

Воду нашъ второй участокъ бралъ въ кубогрѣйкѣ вмѣстѣ со строителями. Теперь въ водѣ отказали. Никто даже не обѣщаетъ организовать подвозъ воды, или провести водопроводъ. Остается брать гнилую воду, пригодную только для строительства (впрочемъ, и ея скоро не будетъ), или носить воду за нѣсколько километровъ.

Нѣтъ свѣта въ домахъ и на улицѣ, нѣтъ дорогъ (шоссе доведено только до половины поселка, раскинувшася километровъ на шесть). Грязь уже сейчасъ непролазная. Даже грузовики тонуть, а они

все-таки двадцатипятисильные. Надо побывать здѣсь, чтобы понять всѣ эти вещи во всей ихъ мрачной полнотѣ. Безъ дороги, въ темнотѣ (смеркается все раньше) приходится тащиться съ грузомъ.

Пусть нѣтъ трамвая, но хоть бы свѣтъ, хоть бы тропинки для пѣшеходовъ.

Зима на порогѣ, въ домахъ сквозняки, никакихъ видовъ на дрова. Никакихъ видовъ на то, чтобы опредѣлилось, кто о дровахъ долженъ заботиться (Реутово? Москва?). Впечатлѣніе такое, что строители и благоустроители Измайловскаго рабочаго поселка попросту забыли, что они отвѣчаютъ за свои дѣйствія передъ органами диктатуры пролетаріата. Пожалуй, уже поздно внушать имъ чувство отвѣтственности. Пора привлекать къ отвѣту. Дѣло крайне серьезное. Рѣчь идетъ о совершенно нетерпимыхъ условіяхъ, въ которыхъ остаются нѣсколько тысячъ человѣкъ вновь строящагося Измайловскаго рабочаго поселка»

Редакція «Комсомольской Правды» сопровождаетъ письмо слѣдующими «поясненіями»:

«Письмо жильца дома № 4 непосвященному можетъ показаться преувеличеніемъ, сгущеніемъ красокъ, нагроможденіемъ надерганныхъ фактовъ. Бригада «Комсомольской Правды», побывавъ въ поселкѣ, убѣдилась, что письмо раскрываетъ лишь незначительную частицу тѣхъ безобразій и прямыхъ издѣвательствъ надъ рабочимъ населеніемъ, которые творятся въ Измайловѣ.

Что такое Измайловскій поселокъ? Это строящійся на окраинѣ Москвы городокъ, равный по количеству населенія приличному районному центру. Уже сейчасъ тамъ живетъ 6.000 человѣкъ въ двухстахъ домахъ, достроенныхъ и недостроенныхъ. Дома эти принадлежатъ 34 организациямъ. Часть домовъ строилъ Стандартжил-

строй, часть — сами организациі хозяйственнымъ, вѣрнѣе безхозяйственнымъ, способомъ».

(«Комс. Правда», 11 сент. 1933 г.).

Высшая школа послѣ «реформъ».*).

«Высшая школа и техникумъ двинулись значительно впередъ. Студентовъ стали лучше учить, студенты стали лучше учиться. Упорядочился учебный процессъ.

Многопредметность, «окна», неправильное чередованіе дисциплинъ — еще слишкомъ частые гости въ учебныхъ расписаніяхъ. Нельзя ли комсомольскимъ организациямъ вузовъ и техникумовъ не только заниматься регистраціей опозданій на лекціи и семинары, но посмотрѣть въ глубь учебнаго процесса, заинтересоваться существомъ расписанія.

Безалаберная постановка общественной работы, неправильное распредѣленіе нагрузокъ, обиліе собраній, засѣдательская суетня еще очень сильно отражаются на качествѣ учебы, партійно - комсомольскаго и профсоюзнаго актива учебныхъ заведеній.

Важнѣйшей задачей является дальнѣйшее улучшеніе матеріально - бытовыхъ условий студенчества и профессорско-преподавательскаго состава. Въ прошедшемъ году въ этомъ направленіи кое-что уже сдѣлано. Многіе вузы образовали собственную продовольственную базу, выстроили новыя столовыя, улучшили общежитія, организовали починочныя мастерскія, прачешныя и т. д. Но всего этого еще крайне мало. Еще слишкомъ много времени затрачиваютъ студенты на различныя очереди, плохо поставлено снабженіе учащихся и обучающихся, много грязи и безкультурья въ общежитіяхъ».

(«Комс. Правда», 18 сент. 1933 г.).

*) См. статью «Шагай, новый человекъ!», «Вѣстникъ», №№ 4, 5, 6 1933 г.

«Прикрѣпить и сократить».

«Всѣ оканчивающіе высшія учебныя заведенія и техникумы молодые специалисты обязаны, какъ обучавшіеся за счетъ государства, проработать въ теченіе пяти лѣтъ въ опредѣленныхъ пунктахъ на производствѣ по указанію наркоматовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся соответствующія учебныя заведенія...»

Всякое самовольное устройство на работу послѣ окончанія учебнаго заведенія и неприбытіе къ мѣсту работы согласно выданному вѣдомствомъ наряду должно рассматриваться, какъ нарушеніе закона, а виновные въ этомъ должны привлекаться къ судебной отвѣтственности.

Распредѣленіе всѣхъ молодыхъ специалистовъ оканчивающихъ учебныя заведенія, производится наркоматами, въ вѣдѣніи которыхъ находятся соответствующія учебныя заведенія. («Комс. Правда», 29 сент. 1933 г.).

***

«Центральный исполнительный комитетъ и совѣтъ народныхъ комиссаровъ Союза СССР считаютъ недостаткомъ то обстоятельство, что оканчивающіе школы фабрично - заводскаго ученичества не закрѣпляются на производство, а значительная часть оканчивающихъ, минуя производство, уходитъ въ рабфаки, въ техникумы и высшія учебныя заведенія.

Центральный исполнительный комитетъ и совѣтъ народныхъ комиссаровъ Союза СССР постановили:

1. Прекратить практику перехода окончившихъ школы фабрично - заводскаго ученичества въ учебныя заведенія (техникумы, вузы и втузы). Установить, что каждый окончившій школу фабрично-заводскаго ученичества обязанъ по указанію соответствующей хозяйственной организациі проработать на производствѣ

не менѣе трехъ лѣтъ по своей специальности.

2. Сократить срокъ обученія въ школахъ фабрично - заводскаго ученичества для подготовки квалифицированныхъ ра-

бочихъ массовой специальности съ 2 лѣтъ до 6 мѣсяцевъ.

Для подготовки отдѣльныхъ наиболѣе квалифицированныхъ группъ рабочихъ допустить годичный срокъ обученія.

(«Комс. Правда», 18 сент. 1933 г.),

Объ идеологическомъ кризисѣ движенія.

Задачи Движенія и грозящія ему опасности.

Русское Христіанское Движеніе молодежи переживаетъ тяжелый финансовый кризисъ, который поглощаетъ много вниманія и силъ. Но оно переживаетъ еще гораздо болѣе тяжелый идейный кризисъ, о которомъ молодежи слѣдуетъ глубже задуматься. Ошибочно думать, что, признавъ себя православнымъ и увидѣвъ въ служеніи православію свою задачу, Движеніе опредѣлило себя. Въ немъ не только не произошло идейнаго самоопредѣленія и осознанія своихъ задачъ, но парализовано желаніе такого самоопредѣленія и осознанія. Идейное безпокойство, связанное съ жизненными проблемами нашей эпохи, отстраняется отъ Движенія и даже, повидимому, признается не соответствующимъ характеру Движенія. Въ дѣйствительности Православіе можетъ быть лишь базисомъ, духовной основой христіанскаго движенія русской молодежи, но не можетъ быть конкретной задачей Движенія. Конкретной задачей можетъ быть лишь раскрытіе изъ глубины Православія, изъ глубины христіанскаго отношенія къ полнотѣ жизни. Движеніе не можетъ быть лишь движеніемъ къ Православной церкви, Движеніе должно быть движеніемъ изъ Православной церкви, какъ источника духовнаго питанія и крѣпости, ко всемъ мучительнымъ вопросамъ, поставленнымъ жизнью. Движеніе можетъ быть лишь раскрытіемъ многообразнаго

жизненнаго содержанія Православія. Это содержаніе не можетъ заключаться лишь въ утвержденіи благочестія, по преимуществу храмоваго. Это есть обѣдненіе Православія. Благочестіе есть прежде всего явленіе личной духовной жизни и оно не можетъ быть лозунгомъ Движенія, которое всегда есть явленіе социальнаго порядка. И нельзя корректировать эту обѣдненность тѣмъ, что смѣшивать православное благочестіе со спортивнымъ и военнымъ воспитаніемъ юношества безъ всякихъ посредствующихъ звеньевъ. Благодаря этому, Движеніе не имѣетъ органическаго стиля. Христіанское движеніе есть неизбежно явленіе социальное и культурное, а не только явленіе личной религіозной жизни и потому оно должно имѣть идеи, должно быть взволновано проблемами, которыя сейчасъ волнуютъ міръ, чувствовать поступъ исторіи. Оно не можетъ быть чуждо тому культурному и социальному кризису, который безспорно имѣетъ религіозные корни. Выработка и реализація христіанскаго отношенія къ культурѣ и социальной жизни не можетъ не входить въ задачи Движенія. Но для этого необходимо всемѣрно бороться за повышеніе интеллектуальнаго и культурнаго уровня состава Движенія, бороться противъ варваризаціи, которая все болѣе и болѣе захватываетъ молодыхъ поколѣнія. Нельзя допустить, чтобы от-

ношеніе русской христіанской молодежи къ жизни соціальной опредѣлялось исключительно непросвѣтленными инстинктами и неосмысленными традиціями прошлаго, потерявшими реальное значеніе въ нашу эпоху. Движеніе сознательно отстраняетъ отъ себя вопросы политики, но безсознательно политика въ Движеніе вносится и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ работы принимаетъ господствующій характеръ. Подъ лозунгомъ аполитизма и аполитического націонализма ведется очень опредѣленная право-націоналистическая или фашистская политика, какъ будто бы само собой разумѣется ея связь съ Православіемъ. Вотъ это, по моему мнѣнію, не можетъ быть терпимо. Необходимо пролить свѣтъ христіанскаго сознанія и христіанской совѣсти на эти вопросы, ничего не оставляя недоговореннымъ, не допуская никакой двусмысленности. Движеніе въ духовномъ ядрѣ своемъ остается какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ православнаго благочестія. А поскольку оно расширилось во внѣ, оно впитывало въ себя элементы молодежи, органически не связанной съ христіанской духовной жизнью и допускало методы, практикуемые въ направленіяхъ, одержимыхъ національно - политическими страстями нашей эпохи. Я убѣжденъ, что движеніе будетъ жизненно лишь въ томъ случаѣ, если оно выйдетъ изъ-подъ стекляннаго колпака, изъ тепличной атмосферы на болѣе широкую арену и пріобрѣтетъ характеръ христіанско - соціальный и христіанско-культурный, если оно будетъ впитывать въ себя новыя поколѣнія молодежи, но при непремѣнномъ условіи подчиненія этой молодежи христіанскому духу. Христіанскій же духъ противится той стихійной власти плоти и крови, которому повинуются слишкомъ многіе изъ современной молодежи въ своихъ національныхъ и политическихъ влеченіяхъ. Миръ сей-

часъ растерзанъ самыми грубыми политическими и національными страстями, которыя связаны съ насущными, жизненными нуждами молодежи. Но дѣло христіанства внести въ эту тьму страстей и инстинктовъ просвѣтленіе. Для этого необходимо изъ глубины христіанской совѣсти опредѣлить свое отношеніе къ насущнымъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ нашего времени. Просвѣтленіе не будетъ достигнуто, если отвернуться отъ этихъ вопросовъ и если допускать работу въ этой области лишь механически связанную съ ядромъ христіанскаго движенія.

Русская христіанская молодежь должна болѣе внимательно присматриваться къ движеніямъ христіанской молодежи Запада и притомъ не только къ методамъ организаціи. Въ лучшей части христіанской молодежи Запада сейчасъ происходитъ пробужденіе христіанской совѣсти въ отношеніи къ соціальной жизни. Съ точки зрѣнія чистой христіанской совѣсти пытается она судить капитализмъ, милитаризмъ, націонализмъ. Это особенно нужно сказать про молодежь французскую, католическую и протестантскую, и про молодежь англійскую, англо-католическую. Но то же пробужденіе христіанской совѣсти можно найти въ нѣмецкой и швейцарской протестантской молодежи, находящейся подъ вліяніемъ бартіанства. Въ западномъ христіанствѣ есть сейчасъ сильное движеніе противъ войны, противъ милитаризма, движеніе, основанное не на гуманистическихъ, а на христіанскихъ принципахъ. Есть сознаніе вины христіанъ, грѣховъ, допущенныхъ церковными людьми. Было бы постыдно, если бы только въ русскомъ православіи не было этого пробужденія христіанской совѣсти, этого очищенія христіанской совѣсти отъ дурного наслѣдія прошлаго, когда христіанство было искажено госу-

дарственными внушениями, социальными интересами, националистическими инстинктами. Было бы постыдно, если бы только русское православие стояло за милитаризмъ, за языческой национализмъ, за государственный гнетъ и социальную несправедливость. Это возможно у насъ вследствие аффективной реакціи противъ коммунистической революціи. Но это противорѣчило бы лучшимъ традиціямъ русской религіозной мысли XIX в., русскимъ исканіямъ Царства Божьяго и социальной правды. Молодежи постоянно слѣдуетъ объ этомъ напоминать. Сейчасъ въ мирѣ есть два типа молодежи: одна ищетъ прежде всего христіанской правды въ полнотѣ жизни личной и социальной, другая ищетъ прежде всего силы и власти. Второй типъ можно было бы назвать фашистскимъ, хотя терминъ этотъ требуетъ уточненія. Но пора, наконецъ, рѣшительно сказать, что фашизмъ, особенно нѣмецкій фашизмъ, носитъ рѣзко антихристіанскій характеръ. Фашизмъ по своей идеологіи есть языческой натурализмъ, возвратъ къ языческому, дохристіанскому обоготворенію государства и національности. Это есть трансформация римской идеи поклоненія кесарю. Фашизмъ пользуется религіей и христіанской церковью, какъ своимъ орудіемъ, поработавъ христіанскія церкви государственно - национальнымъ интересомъ. Въ Италіи фашизмъ заключаетъ въ себѣ и положительные элементы и во главѣ его стоитъ замѣчательный человекъ. Но фашизмъ гораздо хуже и для судьбы христіанства опаснѣе коммунизма, который честно объявляетъ себя врагомъ христіанства и преслѣдуетъ его. Преслѣдованіе лучше, чѣмъ превращеніе въ послушное орудіе всегда обнаруживающее рабство христіанъ. Фашистскій типъ молодежи жаждетъ насилій и готовъ всегда примѣнять методы борьбы, глубоко про-

тивоположные христіанскому духу. Въ русской эмигрантской молодежи есть сильный националистическій инстинктъ и очень слабый инстинктъ социальной правды. И любопытно, что это часто означаетъ не обращеніе лицомъ къ Россіи, что я призналъ бы очень положительнымъ, а отвращеніе отъ нея. Есть часть русской молодежи, которая ищетъ и социальной правды. Но это такъ наз. «пореволюціонныя теченія», которыя въ христіанское движеніе молодежи не входятъ. Ихъ отталкиваетъ Движеніе, и они сами отъ него отталкиваются, не чувствуя въ немъ достаточно жизни. Объ этомъ нужно также задуматься. Нужно дать возможность войти въ Движеніе болѣе свѣжимъ, активнымъ и творческимъ элементамъ. Националистическіе же инстинкты, сопровождающіеся жаждой насилія, должны быть просвѣтлены, съ ихъ грубыми проявленіями необходимо безпощадно бороться. Вл. Соловьевъ достаточно выяснилъ, что между национализмомъ и национальностью такое же различіе, какъ между эгоизмомъ и личностью. Национализмъ не соединимъ съ христіанствомъ, онъ противоположенъ христіанской вселенности, не знающей различія между эллиномъ и іудеемъ. Воинствующій национализмъ есть сейчасъ величайшая опасность для самого существованія человечества. Въ связи съ этимъ нужно признать величайшею опасностью для Движенія внесеніе въ методы его работы милитаризаціи.

Милитаризація молодежи есть сейчасъ преступленіе. Она означала бы созданіе въ Движеніи гитлеровскихъ отрядовъ. Событія въ Германіи есть великое предостереженіе. Оцѣнка ихъ есть испытаніе христіанской совѣсти. Нельзя смѣшивать спортъ, которому самъ я придаю большое положительное значеніе, физическаго воспитанія, развитія мужественнаго

характера, съ милитаризаціей. Это явленіе совершенно разнаго порядка. Милитаризація совсѣмъ не есть укрѣпліе и развитіе личнаго характера, милитаризація есть явленіе соціального порядка, предполагающее цѣлую систему идей государственно - политическихъ и національныхъ. Она ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признана аполитической. Мы видимъ результатъ этого въ Германіи и въ Совѣтской Россіи. Милитаризація молодежи есть цѣликомъ послѣдствіе міровой войны, она означаетъ продолженіе міровой войны и укрѣпленіе воли къ войнѣ, она сопротивляется замиренію міра, духовному объединенію человѣчества. Вопросъ о существованіи сильныхъ армій есть вопросъ совершенно другого порядка. Во Франціи существуетъ самая сильная въ мірѣ армія и вмѣстѣ съ тѣмъ Франція страна наименѣ милитаристическая. Армія для нея есть лишь инструментъ, орудіе защиты родины и поддержаніе ея престижа въ мірѣ. Въ Германіи же, какъ вѣрно говоритъ Зибургъ, милитаризмъ есть не столько орудіе, сколько внутренняя организація общественной жизни, нѣмецкое пониманіе отношеній между людьми. Но отъ этого нѣмцы совершенно лишены гражданскаго мужества и достоинства, они мужественны лишь въ полку, въ организованныхъ военныхъ кадрахъ. Самъ я происхожу изъ военной семьи и получилъ военное воспитаніе, я воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и шесть лѣтъ обучался строевой службѣ. Поэтому я въ этомъ отношеніи имѣю нѣкоторый опытъ, котораго не имѣютъ люди, глубоко и безнадежно штатскіе, но склонные бряцать оружіемъ. Мои воспоминанія и наблюденія убѣждаютъ меня въ томъ, что военное воспитаніе, имѣющее нѣкоторыя преимущества въ большой внимательности къ тренировкѣ человѣческаго тѣла, совсѣмъ

пренебрегаемаго въ воспитаніи гуманистическомъ, совсѣмъ не способствуетъ развитію личнаго характера, личной самостоятельности и гражданскаго мужества, оно воспитываетъ не соціальность, а стадность. Уклонъ къ милитаризаціи въ работѣ съ молодежью можетъ быть совершенно безсознательнымъ, онъ можетъ быть незамѣтнымъ потаканіемъ непроедѣннымъ инстинктамъ молодежи, которые ищутъ себѣ выхода. Столь же безсознательнымъ можетъ быть внесеніе націоналистически - фашистской политики въ Движеніе. Но именно вслѣдствіе этой безсознательности необходимо внести въ эту область сознаніе и волю. Эта безсознательность въ работѣ, это отсутствіе идейнаго руководства поддерживается кажущимся аполитизмомъ Движенія, отклоненіемъ отъ себя соціальныхъ проблемъ христіанства. Все будетъ иначе, Движеніе приобрететъ большую цѣльность, болѣе богатое содержаніе и большую актуальность, когда передъ руководителями и главными дѣятелями Движенія станутъ вопросы о сознательномъ отношеніи православія, христіанства ко всей полнотѣ жизни, ко всѣмъ сферамъ жизни, когда лозунгъ «оцерковленія жизни» перестанетъ быть формальнымъ и означать лишь формальную вѣрность Православной церкви, а станетъ творческимъ раскрытіемъ христіанства на всемъ полѣ жизни культурной и соціальной... Тогда невозможнымъ станетъ совмѣщеніе внутри Движенія православнаго благочестія съ языческими инстинктами плоти и крови, принявшими обличье безсознательной традиціи. Оцерковленіе жизни, какъ цѣль Движенія, осталось безжизненной формулой, оно ни въ чемъ не выражается. Хожденіе въ церковь по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ не есть еще оцерковленіе жизни. Борьба за цѣнность и достоинст-

во человеческой личности, которая сейчас подвергаются сомнѣнію и со всѣхъ сторонъ подвергаются угрозѣ, борьба за свободу духа и духовной жизни есть христіанская задача и христіанскій лозунгъ. Также христіанская задача есть борьба за духовную культуру и ея цѣнности и за социальную справедливость въ отношеніи человека къ человеку. Это — лозунги, которые, по моему разумѣнію, должны быть провозглашены въ Движеніи и должны быть реализованы. Это можетъ привлечь въ Движеніе новые кадры молодежи, болѣе живой и творческой, можетъ вдохновить ихъ и исправить самый главный недостатокъ Движенія — отсутствіе смѣны. Необходимо указать еще на одну опасность Движенія — опасность бюрократизаціи его аппарата, превращенія его

главныхъ руководителей въ профессиональныхъ чиновниковъ. Эта опасность подстерегаетъ всякую социальную организацію при ея расширеніи. Бюрократизація есть смертельный врагъ всякаго творческаго горѣнія, она охлаждаетъ всякій интересъ къ живымъ идеямъ и ослабляетъ активную инициативу въ непосредственномъ жизненномъ дѣлѣ. Внесение творческой идейной жизни въ Движеніе предполагаетъ ослабленіе бюрократизма, доведеніе его до необходимаго минимума.

Я критикую Движеніе и обличаю его недостатки не со стороны, какъ противникъ, а изнутри, какъ другъ. Самокритика же всегда необходима для того, чтобы Движеніемъ было движеніемъ, а не застоемъ.

Николай Бердяевъ.

Объ отношеніи религіозной и социальной работы Движенія.

Положенія, выработанныя VIII-мъ общимъ съѣздомъ Движенія.

На VIII съѣздѣ Р. С. Х. Движеніе имѣло случай еще разъ остановиться на выясненіи основъ и смысла своей работы. Изъ встрѣчи многихъ голосовъ, иногда весьма различныхъ по тону и звучанію, но не исключаящихъ другъ друга, выяснилось многое, что объединяетъ насъ, и что мы рѣшаемся предложить вамъ, какъ наше общее убѣжденіе.

Основа жизни.

Мы утверждаемъ — нынѣ, какъ и всегда, — первенствующее значеніе религіознаго начала въ принятомъ нами служеніи. Нашей основной цѣлью является жертвенное служеніе Христу и Церкви. Но всякому религіозному дѣлу должна предшествовать религіозная жизнь. Мы должны не-

устанно обновлять и обогащать въ себѣ источники своей духовной жизни, съ обмеленіемъ которыхъ засыхаетъ всякое, даже церковное, дѣло. Формы духовной жизни въ Церкви многообразны; онѣ взаимно восполняютъ другъ друга: молитва, богомысліе, аскетическое дѣланіе, литургическая жизнь, изученіе слова Божія, общеніе въ любви во Имя Христово.

Ни одна изъ этихъ формъ духовной жизни не можетъ быть оставлена въ небреженіи безъ вреда для христіанской личности. Нѣкоторыхъ объясненій требуетъ наше пониманіе литургической жизни по тому значенію, которое она имѣетъ для Движенія въ цѣломъ, и по тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя возникаютъ иногда вокругъ ея пониманія.

Литургическій путь.

Для насъ литургія есть соборное тайнодѣйствіе. Въ церковной литургической жизни можно различать нѣсколько плановъ: таинство, слово, обрядъ, образующіе въ своей совокупности такъ называемое храмовое благочестіе. При правильномъ направленіи оно является источникомъ духовной силы — и для умозрѣнія, и для жизненнаго дѣла.

Возможныя искаженія храмоваго благочестія заключаются въ смѣшеніи этихъ плановъ: когда вмѣсто таинственнаго дѣйствія или насыщеннаго смысломъ слова цѣлится всего болѣе уставная строгость культа (ритуализмъ) или эстетически-эмоціональная сторона. Такое отношеніе отрываетъ храмовую литургію отъ всей полноты христіанской жизни и сказывается прежде всего въ ослабленіи нравственной силы этой жизни.

Дѣятельная жизнь.

Мы не должны забывать о **единствѣ вѣры и жизни**, о томъ, что «вѣра безъ дѣлъ мертва». Отсюда необходимость подчеркивать значеніе нерѣдко умаляемаго нравственнаго момента въ религиозной жизни. Дѣла, о которыхъ говоритъ апостоль, о которыхъ вѣчно напоминаетъ намъ Евангеліе, не являются дѣлами закона, внѣшними актами, но прежде всего сердечно-волевымъ стремленіемъ къ осуществленію Царства Божія. Мы должны неустанно будить въ себѣ христіанскую совѣсть, непримиримость ко злу и грѣху въ себѣ и въ мірѣ, состраданіе къ страдающимъ и падшимъ. Здѣсь раскрываются многообразные пути христіанскаго нравственнаго подвига.

Воспитаніе личности.

Началомъ всего должно быть воспитаніе и обновленіе собственной личности — души, которой не стоитъ весь міръ. Не-

обходима аскетическая работа надъ собой и провѣрка всѣхъ своихъ поступковъ предъ судомъ христіанской совѣсти.

Основы социальнаго служенія.

Христіанинъ не можетъ замыкаться въ собственномъ духовномъ мірѣ. И Христость, и Церковь, и литургическая жизнь выводятъ его на путь дѣйственной любви и социальнаго служенія. Въ лицѣ страдающаго человѣка религиозному зрѣнію явленно открывается Ликъ Христовъ. Истинная любовь къ Церкви, какъ къ Тѣлу Христову, выражается въ любви ко всему, въ ней объединенному, человѣчеству — къ близкимъ и далекимъ, живымъ и усопшимъ. Литургическая молитва, т. е. общее храмовое дѣло, прямо ведетъ насъ къ общему жизненному дѣлу, къ продолженію литургіи въ творествѣ братской жизни за дверями храма.

Формы социальнаго служенія.

Служеніе любви начинается съ актовъ лично творимаго добра — отъ души къ душѣ, — но на этомъ не останавливается. Церковь есть всеобъемлющее, вселенское единство, и наше служеніе ей включаетъ служеніе семьѣ, обществу въ его разнообразныхъ профессионально-корпоративныхъ образованіяхъ, Родинѣ, человечеству.

Дѣло любви есть служеніе матеріальное, нравственное и духовное одновременно. Евангеліе и традиція христіанской святости указываютъ прежде всего на служеніе тѣлесной нуждѣ и скорби («Взлкаяхся бо и дасте Ми ясти»), предостерегая насъ отъ ложнаго спиритуализма въ любви. Но столь же обязательно для насъ и участіе въ дѣлѣ спасенія душъ — борьба съ безбожіемъ и безвѣріемъ, возвращеніе въ Церковь отпавшихъ и ушедшихъ — и, наконецъ, борьба за торжество началъ Христовой правды въ самомъ строѣ обще-

ства и государства. Борьба со зломъ и неправдой («Блаженни изгнани правды ради»), работа надъ созданіемъ соціально-правовыхъ условий, благопріятствующихъ духовному росту личности, являются прямымъ долгомъ всѣхъ членовъ Церкви.

Православная культура.

Ставя своей задачей христіанизацію или «оцерковленіе» міра, мы тѣмъ самымъ ищемъ просвѣтитъ Христовы свѣтозъ всю ткань творимой міромъ культуры: его науку, его искусство, всѣ сферы жизни. Эта работа безконечно велика — быть можетъ, въ полнотѣ неосуществима, — но мы призваны въ наше отвѣтственное время быть одними изъ работниковъ въ дѣлѣ строительства Православной культуры.

Христіанская идейность.

Чтобы хоть сколько-нибудь достойно участвовать въ этой работѣ, мы должны быть во всеоружіи знаній и идей, удовлетворяющихъ требованіямъ и церковно-догматической истины и истины опытно-раціональной. Идеи въ мірѣ культуры суть освѣщающіе и направляющіе лучи Божественнаго Логоса, безъ которыхъ творчество жизненное или научное осуждено брести ощупью, падать и заблуждаться. Но система идей христіанскаго міросозерцанія не можетъ быть простымъ заимствованіемъ идей изъ круга секулярной культуры. Идеи и элементы этой культуры должны быть глубоко переработаны, чтобы послужить для построенія христіанскаго храма. Наши научныя и общественныя идеи должны быть развитіемъ и раскрытіемъ догматовъ въ приложеніи къ частнымъ сферамъ культуры. Отсюда высокое значеніе для насъ богословія, какъ церковно-свободнаго опознанія богооткровенной истины и сознательнаго воспріятія догматовъ.

Голосъ исторіи.

Въ наши дни эта работа не можетъ быть спокойнымъ, академическимъ дѣломъ. Христіанскій міръ въ Европѣ и Россіи кажется стоящимъ на краю гибели. На смѣну уже секуляризованнаго общества вырастаютъ новые типы государствъ, открыто или скрыто анти-христіанскіе, ведущіе борьбу противъ христіанскихъ Церквей и попирающіе всѣ начала Христовой правды. Жажда соціальной справедливости въ массахъ принимаетъ формы богоборческаго коммунизма, несущаго смерть всѣмъ духовнымъ цѣнностямъ. Служеніе нации вырождается въ ложный націонализмъ, живущій ненавистью къ человѣчеству иныхъ расъ и культуръ, государственное сознаніе — въ обожествленіе государства, воля къ соціальному дѣйствію — въ культъ насилія. Неудивительно, что міръ оказывается обреченнымъ въ жертву непрерывныхъ войнъ, революцій, разрушенія. Въ такіе дни мы должны почувствовать голосъ исторіи и въ немъ разслышать зовъ Христа къ Его Церкви. Въ наше время всѣ христіанскія Церкви и группы выходятъ изъ своей вѣковой разобщенности и напрягаютъ свои силы въ борьбѣ за дѣло Божіе на землѣ. Русская Церковь — безмолвная поневолѣ — первая въ этой борьбѣ, въ самомъ огнѣ. Для насъ, горсти русскихъ людей за рубежомъ Россіи, было бы тяжкимъ грѣхомъ въ эти дни пытаться спастись отъ мірового потопа въ четырехъ стѣнахъ привычнаго быта. Движеніе должно преодолѣть въ себѣ дѣйствительно присущій намъ грѣхъ косности и выйти въ міръ для участія въ общемъ христіанскомъ дѣлѣ.

Помѣщая эти два документа, Редакція проситъ Движеніе обсудить ихъ и высказаться по существу затронутыхъ въ нихъ вопросовъ.

Редакторъ: **И. Лаговскій.**
Адресъ Редакціи: **I. LAGOVSKY, 10, Boulevard Montparnasse, Paris (XV).**
Тѣл.: **Ségur 31-68.**

Изданіе **Р. С. Х.** Движенія за Рубежомъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
УМСА - PRESS

10, Bd. MONTPARNASSE; PARIS (15).

НОВЫЯ КНИГИ:

С. Троицкий. — ХРИСТИАНСКАЯ ФИЛОСОФІЯ БРАКА ... Фр. 37.50

Книга даетъ философію любви и брака въ свѣтъ
соврем. мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ богатый матеріалъ по
исторіи христіанскихъ воззрѣній на бракъ.

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу.

II ИЗДАНИЕ ..... Фр. 10.—

«ПУТЬ» № 40. Содержаніе: Н. Федоровъ. — Что такое добро. С. Франкъ —
Религіозность Пушкина. А. Карташевъ. — Религіозн. вопросъ на
конгрессѣ меньшинствъ въ Вѣнѣ. В. Ильинъ. — Профанация
трагедіи **Новыя книги**. Приложение: И. Стратоновъ. — Про-
исхождение современнаго устройства Русской Патріаршей
Церкви.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

прот. С. БУЛГАКОВЪ. — Агнецъ Божій. (О Богочеловѣчествѣ).

Книжки издательства высылаются бесплатно.

выдача спра-
подписной

122 nd

IBRI-

Green

March-

Pe-

Jette

BRU-

mpel-

1. 15

PREI-

Ажи-

iel

a 21.

ПОЛЬША: 1) Е. Polonska, Ateje Ujazdow-
skie 6/8 Obserwator. Astron. Warszawa .
2) «Dobro», ul. Krakowskie Przedmiescie
53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДИЯ: 1) А. Schavoronkova
Luostarinkatu 9 as. 2. VIIPURI. 2) M.
Reiche, KELLOMAKI.

ФРАНЦІЯ: 1) Въ редакціи Вѣстника
10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.
R. P. A. Eltchaninoff. Pavillon du
Lotissement, av. de la Parc Imperial
Nice (A. M.).

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Malloj, 271.
Belohorska, Brevnov. PRAHA.
2) N. Lupandin Kucuricna c. 1.
BRATISLAVA.

3) А. Vissarionoff, 18, Kralovopolska
Zabovresky. BRNO.

ЭСТОНИЯ 1) N. Golubeva. Vaestekooli
15-6. TALLINN.

2) H. Lange. TARTU. Kalda t. 10.
3) S. Nikitin. Linaketramise Vabrik. Po-
lovtsovi maja. NARVA.
4) А. Petchnikova Smolenskaja 28,
PETSERI.

РУМЫНІЯ: L. Gloukhoff. Tescani, jud Bacau
ЛИТВА: Е. Sokolsky, Itališos 56 KAUNAS
ЮГОСЛАВИЯ: N. Ribinski, Kosovska, 51.
BEOGRAD.

Gobelins. Paris. Le Gerant: R. P. Leon Gillet.

8/1111

4001281

СПРАВОЧНИКИ